

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 44.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1871

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 1 ноября 1871 года.

Годъ II.

ЗА ГОДЪ.	ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	ЗА ПОЛГОДА.
Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р. — к.		Безъ доставки въ С.-Петербургъ 2 р. — к.
Съ доставкою въ 5 „ — „		Съ доставкою въ 2 „ 50 „
Безъ доставки въ Москвѣ 4 „ 50 „		Безъ доставки въ Москвѣ 2 „ 25 „
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой. 5 „ — „		Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой. 2 „ 80 „

(Отдѣльные номера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 в. строка цѣвта. Особая приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С. Петербургѣ на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехія) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммисіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера въ 1871 году.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ ВЪ 1872 ГОДУ.

Открывая подписку на будущій 1872 годъ и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе номеровъ „Нивы“, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ **заранѣе** высылать свои требованія вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“.

Такъ какъ „Нива“ преимущественно назначается для **семейнаго чтенія** и вслѣдствіе заявленнаго многими изъ нашихъ подписчиковъ желанія получать въ „Нивѣ“ извѣстія о модахъ съ рисунками, — мы, спѣша какъ всегда удовлетворить потребности нашихъ читателей, рѣшились прилагать **ежемесячное модное обозрѣніе съ рисунками парижскихъ модъ, не увеличивая подписной цѣны на нашъ журналъ**, при полнотѣ и общедоступности его найдешевѣйшій въ Россіи. Необходимыя приготовленія для введенія новаго отдѣла настолько уже сдѣланы, что мы можемъ обѣщать модные рисунки до истеченія нынѣшняго 1871 года.

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургъ 4 руб.	Съ доставкою въ Петербургъ 5 руб.
Безъ доставки въ Москвѣ 4 „ 50 к.	Для иногородныхъ съ пересылкой и упаковкой. 5 „

ПРИ ПЕТРѢ.

Историческая повѣсть временъ преобразования Россіи.

В. И. КЕЛЬСЕВА.

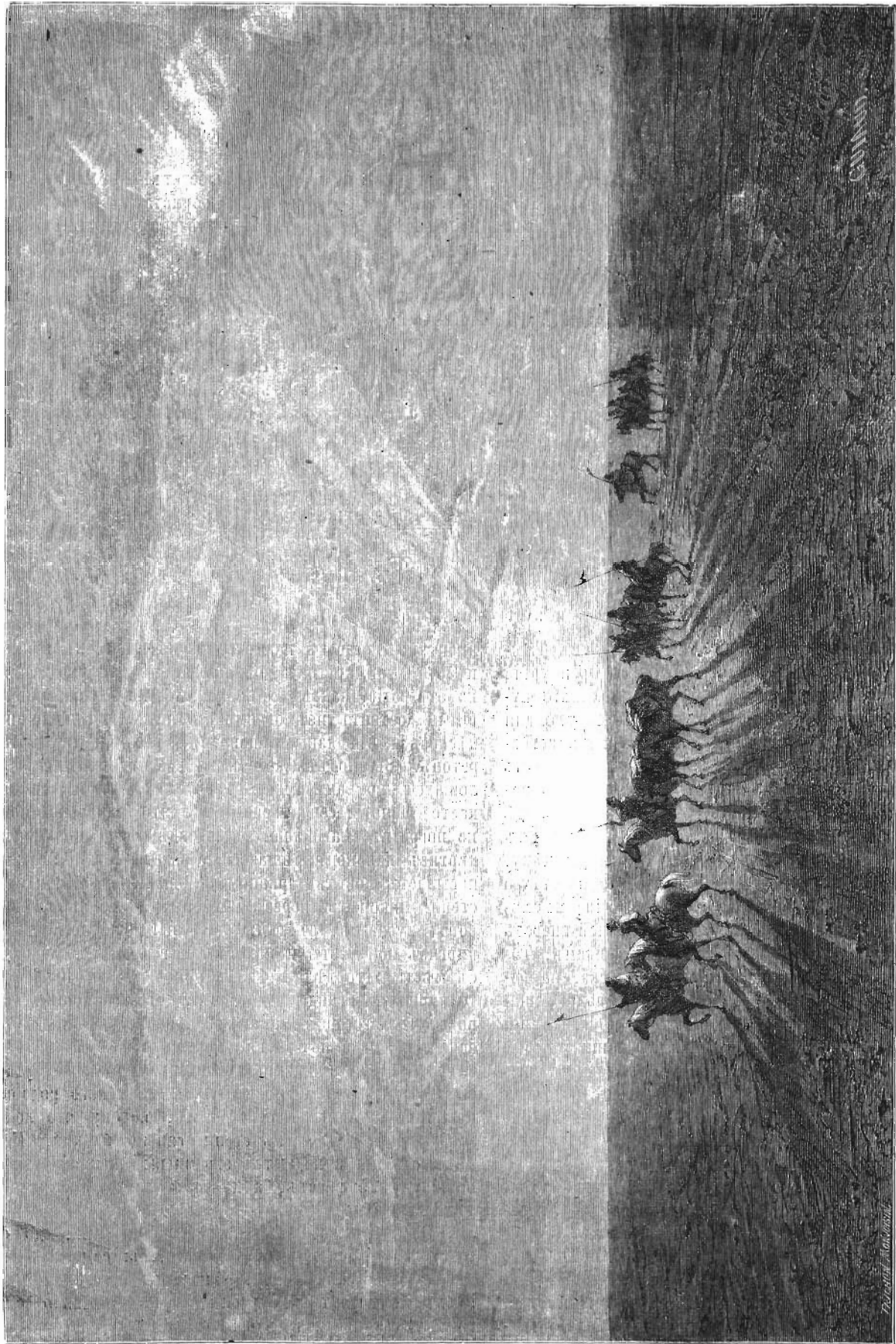
(Продолженіе).

VII.

Просакъ.

Если столица Петра въ лучшихъ своихъ частяхъ не представляла ни особенной стройности ни красоты, то Московская сторона за Фонтанкою всего лѣтъ за

восемь начавшая застраиваться, была такъ-сказать однимъ сколкомъ, какъ бы пробой примѣненія еще нерѣшенныхъ окончательно плановъ застройки. Широкая дорога отъ Литейнаго двора, окопанная съ двухъ сторонъ канавками, была совсѣмъ пустынна. Даже ряды лачугъ, которыя Императрица Анна лѣтъ двадцать

Киргизская степь.

Петръ. — Послушай, сказалъ онъ наконецъ, — отступись ты отъ нея. Я далъ слово другому сватомъ идти; я тебѣ другую высватаю — и пригожую и богатую: Нельзя мнѣ моего слова нарушить...

Римскій-Корсаковъ поблѣднѣлъ и потупилъ голову.

— Не вводи, Государь, въ грѣхъ, сказалъ онъ, — больно дѣвка-то мнѣ любя; вѣдь я — оборони Боже — увозомъ обвѣнчаюсь!

— Безъ благословенія родительскаго?

— Влагословяте, Государь.

— Чужой вѣкъ заѣсть!

— Своими руками въ гробъ лучше положу, чужому не доставайся, глухимъ голосамъ проговорилъ Римскій-Корсаковъ, — тому-лиходѣю моему! Лучше душу свою загублю, на нее и на себя руки наложу, а чужому не доставайся! Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ это, Ваше Царское Величество.

Петръ пристально посмотрѣлъ на этого юношу, такъ недавно казавшагося ему офранцузеннымъ дворянчикомъ, и понялъ, что онъ говоритъ правду.

— Слушай, сказалъ онъ, — отъ слова я отступиться не могу; сватомъ пойду и можетъ сегодня же. Не Царемъ пойду, а простымъ сватомъ. Ведю дѣвкѣ позвать и самъ запытаю ее: кого она выберетъ — тебя или твоего супротивника? Какъ она скажетъ, такъ тому и быть.

— Да кто онъ, супостатъ-то мой? сказалъ Корсаковъ, задрожавъ всѣмъ тѣломъ и какъ полотно блѣдный, но все таки гордо поднимая голову и выпрямляя грудь, причемъ рука его машинально взялась за эфесъ шпаги. Петръ уловилъ это движеніе быстрымъ взглядомъ.

— Это что? — поединокъ умышляешь? А знаешь мой законъ: поединщиковъ — и живаго и мертваго повѣсить? здѣсь не французская земля, братецъ. Кто онъ — покуда не скажу; а если Лукерья его выберетъ, а не тебя, не моя вина будетъ.

— Да меня-то она не выберетъ! — это я безъ тебя, Великій Государь, знаю, пробормоталъ въ сторону, съ какимъ-то отчаяннымъ и болѣзненнымъ выраженіемъ лица, несчастный Римскій-Корсаковъ.

— Такъ чего жь тебѣ надо? вѣдь насильно милъ не будешь?

— И не хочу быть милымъ, Государь, а ужь коли не мнѣ, пускай въ монастырь идетъ.

Крѣпко задумался Петръ.

— Погоди, сказалъ онъ, — сегодня я не пойду сватомъ; а тѣмъ часомъ, Богъ дастъ, что и надумаемъ. Не кручинься.

(Продолженіе будетъ).

РѢТЬ ОРЕНБУРГА ДО ТАШКЕНТА.

(Отрывокъ изъ дорожныхъ замѣтокъ).

Получивъ командировку въ 1868 году въ Ташкентъ, я, въ концѣ августа, прибылъ въ Оренбургъ, и запасшись всѣмъ нужнымъ для такого дальняго путешествія, какъ-то: провизіей и полною сбруею для тройки лошадей (безъ которой въ степи ѣхать невозможно), выѣхалъ по дорогѣ въ Ташкентъ. Мѣстность отъ Оренбурга до Орска не представляетъ ничего замѣчательнаго; станціи, содержимыя казаками, вездѣ чистенькія, и почти на каждой изъ нихъ предлагаютъ издѣлія изъ козьяго пуха, за весьма дешевую цѣну. Въ Орскѣ приходится часто ждать лошадей, и отсюда встрѣчались постоянно различныя препятствія, не смотря на курьера, посланнаго за нѣсколько дней впередъ для заготовки лошадей мнѣ и моимъ спутникамъ. Такимъ образомъ на первой станціи отъ Орска, на которую пріѣхали поздно вечеромъ, потребовали лошадей. Явился киргизъ и отвѣтилъ, что надо ждать, потому что нѣтъ алашей¹⁾. Не смотря на наши угрозы, онъ все стоялъ на своемъ, и чтобы отдѣлаться отъ насъ, сказалъ, что пойдетъ къ хозяину въ аулъ²⁾ объявить о нашемъ требованіи, а затѣмъ болѣе не являлся. Простоявъ болѣе сутокъ, мы кое-какъ, на обратныхъ, тронулись дальше.

Доѣхавъ благополучно до Карабутака, мы отдохнули немного и торопились скорѣе доѣхать до Уральскаго укрѣпленія, гдѣ намъ заранѣе обѣщали хорошее угощеніе. Такъ и случилось. Комендантъ пригласилъ къ себѣ обѣдать — и мы выѣхали уже вечеромъ, благодаривъ его отъ души за милое гостепріимство. Отъ Уральскаго укрѣпленія не встрѣчаемъ болѣе станціонныхъ домиковъ, но тутъ уже пойдутъ киргизскія

кибитки. Это родъ палатки, сплетенной изъ прутьевъ и обтянутой кругомъ войлокомъ; вмѣсто входа сдѣлано отверстіе, закрытое войлокомъ; все украшеніе кибитки состоитъ изъ огромнаго тагана для варки пищи, нѣсколькихъ грязныхъ ковровъ, стола и двухъ табуретовъ. Вы подъѣзжаете къ такой кибиткѣ, требуете лошадей, но вамъ говорятъ, что ихъ нѣтъ. Вы начинаете кричать, сердиться — и все это напрасно, покуда не погрозите нагайкою. При видѣ этого инструмента, киргизъ наконецъ рѣшается удовлетворить пассажира и посылаетъ ловить арканомъ лошадей, пасущихся въ степи. Наконецъ, черезъ нѣсколько томительныхъ часовъ, пускаемся въ путь, но увы! лошади не везутъ; киргизъ понукаетъ и кнутомъ и горломъ, а лошади ни съ мѣста. Что дѣлать? какъ помочь горю? Вы говорите киргизу: «гайда»³⁾, а онъ что-то бормочетъ и, видя, что его не понимаютъ, отпрыгаетъ лошадь и въ одинъ моментъ исчезаетъ. Такимъ образомъ, приходится ждать въ степи, по нѣсколькимъ часамъ, покуда не вернется киргизъ съ новыми конями. Такого рода остановки встрѣчались весьма часто, потому что лошади заморены, а кормъ въ степи самый плохой. Между тѣмъ станціи попадаются огромныя: иная значится по маршруту 25 верстъ, а на дѣлѣ выходитъ иначе, и дѣлаемъ равно вдвое.

Отъ Уральскаго укрѣпленія начинается, до Форта № 1 (Казалы), Каракумская степь; ее проѣзжаютъ, по случаю несквозь, на верблюдахъ, которыхъ запрягаютъ въ тарантасы, и они везутъ довольно скоро, такъ что я предпочелъ бы всегда ѣзду на нихъ, но та ѣзда, что не вездѣ найдешь верблюдовъ. Наконецъ проѣзжаемъ Каракумы и передъ нами является хоро-

¹⁾ По киргизски, лошадей.

²⁾ Деревня.

³⁾ Пошель.

шеный ландшафт: это форт № 1-й; от него начинается Туркестанская область и появляется река Сырь-Дарья, берега которой частью покрыты высоким тростником, где обитают тигры, частью колючкою и саксаулом, весьма пригодным для топлива; к сожалению, он почти весь истреблен Аральскою флотиліею, пароходы которой ходят по Сырь-Дарья черепашьим шагом. В форте можно тоже отдохнуть в гостинице или у коменданта и заготовить провизию до форта № 2-й, где опять отдых и заготовка провизии до форта Перовскаго (Ахь-Мечеть). Форт этот стоит на весьма живописной местности, и около него растет много саксаула. Здесь слѣдует запастись продуктами до укрѣпленія Джулекъ.

Далѣе, от укрѣпленія Джулекъ до Туркестана опять начинается степь, опять исчезает всякая растительность; глаз рѣшительно ничего не видит, кромѣ неба да земли, да изрѣдка попадающихся каравановъ туземцевъ на верблюдахъ и лошадкахъ. Кромѣ того, мѣстами видны сдѣланные изъ глины курганы: это могилы (мазарки) киргизовъ и оставшіяся послѣ кокандцевъ глиняныя крѣпости. Но вотъ подъѣзжаемъ къ Туркестану, что доказывается появленіемъ огромныхъ садовъ; затѣмъ появляется глиняный валъ, коимъ обнесѣн городъ, и вы наконецъ въѣзжаете въ него черезъ узенькія ворота. Повсюду грязь и нечистота, узенькія улицы съ глиняными заборами, за которыми находятся сакли туземцевъ. Жителей считается пять тысячъ. 800 саклей и тридцать двѣ мечети. Изъ нихъ главная «Азаретъ-Султанъ», замѣчательная по могилѣ св. Азарета, находящейся внутри зданія, на поклоненіе которой стекаются изъ отдаленныхъ краевъ области, и по громадному мѣдному котлу, отлитому для жертвоприношенія 450 лѣтъ тому назадъ. Элементъ преобладающій—таджики или сарты. Городъ въ торговомъ отношеніи не имѣетъ значенія; жители занимаются хлѣбопашествомъ; базаръ служитъ только для мѣстныхъ окрестныхъ жителей. Жары лѣтомъ доходятъ на солнцѣ до 48 градусовъ, въ тѣни—28; зима непостоянная и холода бываютъ не выше 15 гр. Въ 20-ти верстахъ отъ города водятся: барсы, дикіе бараны, газели, одени и кабаны. Городъ стоитъ на нѣсколькихъ капавахъ и для питья есть колодцы. Мѣстная власть состояла: изъ казы (судьи), аскааловъ (гласныхъ отъ городской думы), реиса (городничаго) и караванъ-баши. Въ городѣ есть комендантъ и управляющій населеніемъ. Объ эти личности весьма любезны, въ особенности послѣдній, въ квартирѣ котораго мы провели сутки весьма пріятнымъ образомъ. Затѣмъ на другой день отправились по дорогѣ къ Чимкенту и менѣе сутокъ ѣхали до этой маленькой крѣпости, весьма схожей съ Туркестаномъ: тѣ же глиняныя заборы, та же мертвенность, та же природа; однимъ словомъ, видѣвши одинъ азіатскій городъ, можно имѣть понятіе обо всѣхъ. Въ Чимкентѣ немного отдохнувъ у мѣстнаго жителя, подавшаго намъ чай и сушеные фрукты, мы, благодаря распорядительности начальника туркестанскаго населенія Кр...ва, на третьи сутки утромъ узрѣли Ташкентъ. Подъѣзжая къ нему, видимъ безконечныя сады, окруженныя заборами и больше ничего. Въѣздъ тоже черезъ ворота по узенькимъ улцамъ, по которымъ двѣ арбы (тѣлеги на двухъ колесахъ) разъѣхаться не могутъ; прибавьте къ этому часто попадающіеся по срединѣ улицъ огромныя камни, почти постоянную грязь—и вы будете имѣть понятіе объ удоб-

ствѣ ѣзды по Ташкенту. Отъ въѣзда въ городъ до цитадели, гдѣ живутъ русскіе, по крайней мѣрѣ верстъ десять,—и покуда до нея доѣдешь, то жизнь проклянешь. Усталые, измученные, мы помѣстились въ домѣ г-жи Ш...

Въ цитадели сосредоточивалась администрація: интенданство, штабъ, расходное отдѣленіе и канцелярія губернатора, губернаторскій домъ и гибель зданій одноэтажныхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Дома эти глиняныя, большею частью съ каменными полами, рамами заклееными бумагой, а иногда и со стеклами, продающимися очень дорого. Отъ цитадели, обнесенной стѣною, начинается европейскій кварталъ, по срединѣ котораго сдѣлано шоссе до самой крѣпости, гдѣ жилъ комендантъ и находилось комендантское управленіе, госпиталь и казармы. По обѣимъ сторонамъ европейскаго квартала строились дома и генераль-губернаторскій домъ; заложена православная церковь и готова гостиница, гдѣ помѣщается часть лавокъ и есть номера для приѣзжающихъ съ приличною мебелью и столомъ. Постройкою этого зданія русскіе колонисты обязаны майору Жемчужникову, бывшему коменданту. Доходъ съ него такъ великъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ зданіе въротно окупилось. Вскорѣ по взятіи Ташкента постройка домовъ обходилась весьма дешево, такъ что за сто рублей (или немного болѣе) можно было соорудить домъ изъ четырехъ комнатъ, стоящій теперь рублей шестьсотъ. Матеріалы и рабочіе съ каждымъ днемъ дорожаютъ, а потребность въ домахъ съ каждымъ днемъ увеличивается. Недалекъ отъ европейскаго квартала находится городской садъ, въ которомъ ташкентская публика гуляетъ.

Теперь уже тамъ настоящій хоръ музыки, и надо предполагать, что есть и бальный оркестръ.

Въ это время года бываютъ страшныя жары, а хорошей воды почти нѣтъ, и приходится лить воду проведенную въ городъ изъ рѣки Черчика, текущую по маленькимъ канавкамъ, проведеннымъ черезъ сады, кладбища, и такимъ образомъ получающую вкусъ лимбургскаго сыра. Канавки эти попадаютъ на каждомъ шагѣ и чтобы черезъ нихъ перескочивать, приходится иногда дѣлать отчаянныя salto - mortale. Экипажей въ городѣ не было никакихъ, кромѣ нѣсколькихъ тарантасовъ и одной или двухъ бричекъ. Вся публика ѣздила верхами, даже и духовенство; въ грязь же нѣкоторыя дамы допускали переносить себя солдатамъ. Сколько разъ приходилось мнѣ пачкаться въ этой грязи; никакія калоши въ мѣрѣ отъ нея не спасутъ,—и желая вытащить одну ногу, вы погружаете до такой степени другую, что нужны нечеловѣческія усилія, чтобы вытащить ее. Въ сухое же время года песокъ страшный на улицахъ; при малѣйшемъ дотрогиваніи до него, онъ летитъ въ носъ, ротъ и на платье, а на сапогахъ приносимъ въ квартиру достаточное количество. Не смотря на различныя неудобства, все-таки скажу, что жизнь въ Ташкентѣ была бы довольно сносна (потому что мѣстная произведенія дешевы), но наши купцы, пользуясь отдаленностію края, продаютъ какъ мануфактурныя товары, такъ и колоніальныя произведенія по баснословнымъ цѣнамъ.

Между военными встрѣчаемъ много георгіевскихъ кавалеровъ, такъ что въ маленькомъ отрядѣ, находившемся въ Туркестанской области, ихъ считалось, вмѣстѣ съ нижними чинами, болѣе 800 человекъ. Зима бываетъ коротенькая; съ декабря идетъ дождь, дѣла г-

ся непроходимая грязь; въ январѣ же показывается трава, въ февралѣ весна въ полномъ разгарѣ. Съ мая и почти круглый годъ можно пользоваться какъ свѣжими такъ и сухими фруктами; все это очень дешево и вкусно, но зато самыхъ простыхъ овощей вы не найдете, какъ-то: хрѣну, картофелю, который недавно только стали разводить, и много другихъ произведений. Вѣчно синее небо, ни малѣйшаго вѣтерка, но зато солнце падать немилосердно, и въ сентябрѣ жары бываютъ не меньше нашихъ июльскихъ. Климатъ тамошній дѣйствуетъ довольно разрушительно, въ особенности на приѣзжающихъ; часто появляется сыпь; дѣйствуетъ: тифъ, диссентерія, лихорадка; болятъ глаза, лѣзутъ волосы и крошатся зубы. Хотя и есть доктора, но зато лекарствъ очень мало и аптекъ всего одна. Заболѣвъ лихорадкою, я едва могъ достать малины у прикащика куница Хлудова, ведущаго торговлю на базарѣ, отстоящемъ верстѣ на семь отъ цитадели. Я часто бывалъ на немъ, потому-что только тамъ можно видѣть вполнѣ азіятскій разгулъ. Вообразите, посредиѣ улицы, съ обѣихъ сторонъ глиняныя лавки, подпертыя перекладинами и сверху покрытыя рогожамп; это какой-то лабиринтъ, тянущійся на нѣсколько верстѣ; въ лавкахъ сидятъ поджавши ноги: сарты, татары и жиды; кромѣ того устроены на открытомъ воздухѣ печи, гдѣ пекутъ для желающихъ пельмени и пирожки; между лавками, посредиѣ, страшная толпа народу пѣшкомъ, верхомъ на лошадяхъ, лошакахъ и верблюдахъ; кромѣ того, безпрестанно попадающіяся арбы и поющіе заунывныя пѣсни дервиши въ остроконечныхъ шапкахъ съ бубенчиками и длинными въ рукахъ палками;—все это чрезвычайно оглушительно дѣйствуетъ на иностранца, и долгое время стоишь въ изумленіи прежде чѣмъ что-нибудь поторгнешь. На базарѣ этомъ почти ничего интереснаго не найдешь. Единственно чѣмъ могутъ похвастать жители, это вышиваемыя арабесковъ шелкомъ, на чемъ хотите, платьевъ, скатертей, туфель, панталонъ и пр., но зато все это продается очень дорого, такъ же какъ и другой товаръ. Если хотите что-нибудь выторговать, то платите серебромъ; въ особенности туземцы берутъ съ охотою наши серебряныя рубли и тогда товаръ отдають за полъ-цѣны. Случалось мнѣ прицѣниваться къ коврамъ, которые нашель очень недурные, такъ же какъ и шѣха, преимущественно куниты и бараньи шкуры; изъ каменьевъ можно приобрести за дешевую цѣну: бирюзу и кораллы, достоинствомъ не такъ хорошіе. Жаль, что, по случаю военныхъ дѣйствій, караваны изъ Бухары и Кашемира не приходили, а потому и не было кашемирской шали, которую мнѣ очень хотѣлось купить. Зато искавъ ее, я былъ въ индѣйскомъ караванъ-сераѣ и видѣлъ индѣйцевъ, которыхъ потомъ встрѣчалъ и на базарѣ. Они довольно пріятной шаружности, съ черными глазами и длинными носами; добъ, посредиѣ, и концы ушей татуированы; одѣты они въ сюртуки, съ круглыми шапочками на головахъ, и многіе съ босыми ногами, на пальцахъ которыхъ надѣты кольца. По воскресеньямъ рынокъ переносился на полуверстное расстояние отъ цитадели, но товары привозились въ маломъ количествѣ. На большомъ же рынкѣ, по воскресеньямъ, сарты занимаютъ бараньимъ боемъ. Вообще говоря о ташкентской торговлѣ, городъ этотъ можно признать центромъ средне-азіятской торговли. Торгъ съ Россіею, большею частію, производится хлопкомъ и су-

шеными фруктами. Въ Ташкентѣ же бумажные товары сбываются весьма выгодно, чему обязаны туземкамъ. Красавицы эти носятъ синіе бумажные халаты, напидывая ихъ на голову, и на лицо надѣвая черную квадратную волосяную тряпку, совершенно скрывающую ихъ черты. Тѣ, которыхъ я видѣлъ безъ тряпокъ, очень не дурны, съ черными глазами, смуглыми лицами и бѣлыми зубами, хотя многія изъ нихъ ихъ чернятъ. Вообще сарты, какъ мужчины такъ и женщины, довольно красивы и способны къ разнымъ ремесламъ. Въ особенности мнѣ понравилось раскрашивание стѣнъ въ домахъ. На нихъ рисуютъ арабески, горшки съ цвѣтами—и послѣдніе сначала вырѣзываютъ довольно искусно, а потомъ серебрятъ или золотятъ, что очень красиво, въ особенности на синемъ фонѣ. Случилось мнѣ быть однажды въ гостяхъ у одного богатаго татарина, по имени Шарафен. Домъ принадлежащій ему весьма помѣстительнень, стѣны росписаны арабесками, а полъ устланъ коврами; вмѣсто стульевъ—табуреты, съ мягкими подушками и по срединѣ столъ. Много изъ туземцевъ есть очень богатыхъ, бывающихъ въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Всѣ они очень любезны, и при встрѣчѣ говорятъ «амапъ» и пожимаютъ руку. Костюмы ихъ почти у всѣхъ одинаковы, а именно: халаты, подпоясанные чѣмъ-то въ родѣ шали; чалма или шапочка на головѣ; на ногахъ туфли, а для верховой ѣзды сапоги изъ черной или зеленой кожи, съ подошвами подбитыми огромными мѣдными гвоздями, загнутыми къ верху носками и большими мѣдными каблучками; женщины же носятъ «ичики», башмаки изъ такой же кожи, чрезвычайно жесткія.

Пробывъ въ городѣ Ташкентѣ мѣсяца три съ половиною, надобно было собираться обратно въ Оренбургъ. Я и мои товарищи были весьма рады, что наконецъ выберутся изъ этой азіятчины, и не смотря на ужасное время года, (начало декабря) и отвратительную дорогу, мы, 10 числа, простившись съ добрыми знакомыми, отправились въ путь.

На обратномъ пути по степи, экипажъ опять въѣхалъ въ грязь, и не смотря на понуканіе лошадей и крикомъ и кнутомъ, ничего нельзя было сдѣлать для нашего спасенія; пришлось послать въ аулъ за верблюдами, и въ ожиданіи дѣлать что хочешь. Уже день клонился къ вечеру, а помощь все не явилась. Между тѣмъ становилось довольно холодно, вѣтеръ сильно завывалъ и еще болѣе усиливалъ нашу тоску. Захотѣлось ѣсть, но провизія наша замерзла, а разогрѣть негдѣ. Оставалось одно: вооружиться терпѣніемъ и заснуть. Такъ и случилось. Кто закурилъ папиросу, а я, хорошенько завернувшись въ шубу, заснулъ. Проспавши часу до шестаго утра, видимъ идетъ караванъ, да еще на нѣкоторыхъ верблюдахъ лежатъ визанки дровъ. Объяснившись кое-какъ пантомимами, т. е. указавъ на дрова и вынувъ двугривенный, получили вязанку саксаула и сей часъ же развели костеръ, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться. Между тѣмъ, подошли наши валеты и сказали, что были въ аулѣ, гдѣ отлично спали и пили чай. Затѣмъ явились киргизы съ предложеніемъ нанять у нихъ верблюдовъ, и мы едва едва уломали ихъ взять по два рубли за каждого. Этотъ случай описываю для того, чтобы дать хотя малѣйшее понятіе, о ѣздѣ по Киргизскимъ степямъ, которыхъ изображеніе можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ.

НИВА

XXI г.

г. XXI

№ 25

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 23 юля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия 6 р. Съ пересылной въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За границу . . . 9 р.

Нарушенный покой. Съ карт. А. Саргера.

шемъ состоялъ при экспедиціи, посланной на восточный берегъ Каспійскаго моря, для собиранія свѣдѣній о туркменахъ и для сношенія съ этимъ племенемъ. Когда, послѣ столкновенія съ ними въ Красноводскомъ заливѣ, гдѣ туркмены, отбивъ скотъ и лошадей, помѣшали экспедиціи продолжать изслѣдованія наши русла Аму-Дарьи, рѣшено было наказать виновныхъ, М. Н. Галкинъ принялъ, какъ волонтеръ, участіе въ экспедиціи генерала Лазарева, въ десантъ и военныхъ дѣйствіяхъ противъ туркменъ. За свои подвиги онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны съ мечами, что было тогда рѣдкой и исключительной наградой для гражданскаго чиновника. Въ 1862 г. онъ уѣхалъ за-границу, и проведя здѣсь года два, изучалъ тюремный во-

просъ по собственной охотѣ, а затѣмъ по порученію правительства. По возвращеніи въ Россію, онъ около двухъ лѣтъ (1866—1867) служилъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ, а въ 1868 году назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ. Затѣмъ черезъ два года онъ былъ переведенъ въ Саратовскую губернію, за свои труды по прекращенію веплянской эпидеміи награжденъ орденомъ Вѣлаго Орла и, наконецъ, 23 апрѣля 1879 года призвавъ на постъ начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Всѣ знающіе М. Н. Галкина-Враскаго отдадутъ ему должное не только какъ весьма даровитому администратору, но и какъ человѣку въ высочайшемъ значеніи этого слова.

П. Быковъ.

Къ дню двадцатипятилѣтія Ташкента. 1865—1890.

(Рис. на стр. 653).

Начало завоеванія русскими сѣверной Азіи относится къ XVI столѣтію. Завоеваніе, собственно Сибири, шло очень быстро. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ со времени перехода чрезъ Уральскій хребетъ Ермака и его спутниковъ (1579 г.), казаки достигли береговъ Амура и Анадыри, причѣмъ приходилось вести упорныя войны съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей; нѣкоторыя же народности, напр. самоѣды, часть сибирскихъ татаръ и большинство тунгусскихъ племенъ, были покорены безъ большаго труда и кровопролитія. На Амурѣ было встрѣчено противодѣйствіе со стороны китайцевъ и манчжуровъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія образовали одно государство и въ 1689 году вынудили насъ на цѣльяхъ 170 лѣтъ оставить берега великой рѣки. Въ среднеазіатскихъ степяхъ, напротивъ того, владычество наше водворилось по доброй волѣ самихъ киргизскихъ вождей; но дѣйствительная покорность была достигнута долгими успѣхами политики и оружія. Вслѣдствіе безплодности страны, переселенцы не шли сюда массами и охрана завоеваннаго всецѣло ложилась на плечи правительства.

Въ 1732 году наша государственная граница въ Средней Азіи ушла далеко на югъ, благодаря добровольному подданству киргизъ Малой и Средней Орды. Положеніе киргизъ въ то время было самое тяжелое. Сильные враги тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Городъ Туркестанъ, гдѣ владѣли киргизскіе ханы, взятъ былъ въ 1723 году джунгарскимъ владѣтелемъ Галданъ-Цереномъ. Постоянно безпокоемые калмыками, башкирами и каракалпаками, киргизы, подъ предводительствомъ Букашъ-бая, разбили калмыковъ и башкировъ и, оттѣснивъ ихъ къ Уралу, заняли сѣверную часть Киргизской степи, пограничную съ Россіей. Здѣсь киргизы были безопасны отъ джунгаровъ, даже при очевидномъ своемъ безспіи. Въ это-то время киргизскій ханъ Абуль-Хапръ, изъ своихъ личныхъ выгодъ, обратился къ Россіи съ просьбою о принятіи въ русское подданство киргизъ Малой Орды. Киргизы съ неудовольствіемъ узнали о поступкѣ своего хана; однако краснорѣчіе и умъ мурзы Тевкелева, посланнаго изъ Петербурга, устроили дѣло, и въ 1732 году киргизы Малой Орды со своимъ ханомъ Абуль-Хаиромъ и Средней Орды съ ханомъ Шемякою признали власть Россіи.

Степная граница почти постоянно подвергалась нападеніямъ хищниковъ, но такъ какъ это были собственные подданные, то противъ нихъ иногда высылались отряды, но не съ цѣлью новыхъ завоеваній, а съ цѣлью лишь наказанія. Такъ было до 1820-хъ годовъ. Съ этого времени начинается обозначаться стремленіе къ наступательнымъ движеніямъ, къ завоеваніямъ въ сибирской степи. Генералъ-губернаторъ Сперанскій сдѣлалъ представленіе, по которому рѣшено фиктивное подданство мѣстныхъ киргизъ обратить въ дѣйствительное и съ этою цѣлью въ центрахъ проектированныхъ округовъ устроить укрѣпленія. Въ такія укрѣпленія обыкновенно высылались съ линіи гарнизоны казаковъ и даже регулярной пѣхоты. Но такъ какъ, по отдаленности отъ линіи, содержаніе ихъ стоило дорого, то сибирскія власти мало-по-малу рѣшили выселять въ степи казаковъ, которые одновременно могутъ быть и воинами и земледѣльцами. Такимъ образомъ въ степи образовалась новая передовая линія, ставшая цѣлью хищничества номадовъ. Приходилось опять высылать отряды и снова закладывать укрѣпленія. Здѣсь мы усматриваемъ начало системы, приведшей насъ за Балхашъ, къ Или, къ Алатау и, наконецъ, въ Туркестанъ,—системы, выработанной администраціею.

Подобное движеніе впередъ линіями было примѣняемо въ первое время лишь въ западно-сибирской степи. Въ Оренбургской же степи ничего подобнаго долгое время не было, за исключеніемъ небольшой Илецкой линіи, выдвинутой въ 1810 г., специально для защиты мѣстныхъ соляныхъ копей. Но въ 1835 году, при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, была устроена такъ-называемая Новая линія, т. е. рядъ укрѣпленій между крѣпостями Орскою и Звѣриногодовскою, которая отрѣзала у киргизъ Малой Орды обширныя и наилучшія мѣста для кочевья; отрѣзанное пространство заселено казаками. Эта мѣра открыла Верхнеуральскую Уйскую линію отъ хищниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно разорила многихъ киргизъ, а еще

болѣе выселенныхъ въ степь казаковъ. Мѣра эта развила сильныя волненія въ степи, такъ что для обезпеченія вновь водворенныхъ станицъ генералъ Перовскій началъ быстро строить непрерывный валъ, въ родѣ Китайской Стѣны, долженствовавшей связать крѣпость Орскую съ укрѣпленіями Императорскимъ, Владычьица и проч. Кромѣ того, въ 1834 году было основано на Каспійскомъ морѣ, при заливѣ Кайдакъ, укрѣпленіе Ново-Александровское, съ цѣлью, во-первыхъ, быть ближе къ отдаленнымъ кочевьямъ степныхъ хищниковъ, а во-вторыхъ, прикрывать отъ ихъ разбоевъ рыбныя ловли на морѣ.

Но всѣ эти пограничныя военныя мѣры мало достигали цѣли и скоро въ степяхъ образовалось правильное возстаніе подъ предводительствомъ предприимчиваго удалыца Кенисары Касимова, продолжавшееся 1845 и 1846 годы, когда, наконецъ, Кенисара былъ убитъ дикокаменными киргизами; въ то же время генералъ Обручевъ основалъ въ степи укрѣпленія на рѣкѣ Иргизѣ и Тургаѣ (Оренбургское и Уральское). Въ 1847 году, по волѣ императора Николая, явилось укрѣпленіе на рѣкѣ Сырь-Дарьѣ (укр. Раимъ, востѣдствіи названное Аральскимъ), а еще предъ этимъ, въ сибирскія степи, основанъ Копаль, за которымъ начинались кочевья Большой Орды. Орда эта въ 1846 году приняла русское подданство, а до того времени была независимою или номинально подвластною то китайцамъ, то кокандцамъ. Такимъ образомъ въ 1847 году наша государственная граница, по крайней мѣрѣ теоретически, перешла за рѣку Или къ хребту Алатау, къ рѣкамъ Чу и Сырь-Дарьѣ. Надо замѣтить, что вся средняя часть этой границы, по правой сторонѣ р. Чу и р. Сырь-Дарьи представляетъ безплодную степь, гдѣ нѣтъ возможности ни селить станицы, ни возводить укрѣпленій, нельзя даже держать никакихъ, хотя-бы легкихъ, подвижныхъ военныхъ отрядовъ. Чтобы образованъ здѣсь линію, необходимо было перейти рѣку Чу и стать по крайней мѣрѣ у подошвы Киргизинъ-Алатау, Боролдая и Каратау, занимая въ то же время рѣку Сырь-Дарью до Акъ-Мечети¹⁾ или Джулека. Мало-по-малу это было сдѣлано, сперва занятіемъ рѣки Сырь-Дарьи до Акъ-Мечети въ 1853 году и водвореніемъ русскихъ поселеній за р. Или (1855 г.), а потомъ занятіемъ Токмака, Пишпека (1860 г.), Аулія-ата, Джулека, Азрета, Чимкента (1862—1864 г.). Разгорѣвшаяся по поводу этихъ пріобрѣтеній война съ кокандцами привела насъ къ завоеванію Ташкента, который и былъ взятъ штурмомъ 11 іюня 1865 года, подъ начальствомъ генерала Черняева. Когда Кокандъ сдѣлался послѣ этого не опаснымъ для Россіи, то главнымъ нашимъ врагомъ въ Средней Азіи явилась Бухара, и Бухарскій эмиръ неоднократно предъявлялъ дерзкія требованія сначала генералу Черняеву, а потомъ генералу Романовскому, чтобы русскіе отошли отъ Ташкента. Окрестное населеніе волновалось и готово было поддерживать Бухарскаго эмира. Съ минуты на минуту можно было ожидать общаго народнаго возстанія; поэтому необходимо было дѣйствовать смѣлымъ и рѣшительнымъ образомъ. Битва при Ирджарѣ, 8 мая 1866 г., упрочила наши завоеванія въ Средней Азіи и открыла путь къ новымъ побѣдамъ. Вслѣдъ за Ирджарскимъ разгромомъ былъ взятъ 24 мая Ходжентъ, сильная бухарская крѣпость на Сырь-Дарьѣ. Въ томъ же году взяты штурмомъ бухарская крѣпость Ура-Тюбе (2 октября) и Джизакъ (18 октября), а въ 1867 г. русскіе отряды стали въ 78 верстахъ отъ Самарканда, въ небольшой крѣпостцѣ Яны-Курганъ. Въ 1868 г., послѣ битвы 1 мая, взяты: знаменитый Самаркандъ, бывшая столица Тамерлана, и сильная бухарская крѣпость Катты-Курганъ. Это нанесло Бухарѣ рѣшительный ударъ.

Оставалось занять Фергану, что и было сдѣлано въ началѣ 70-хъ годовъ.

Вотъ приблизительно тотъ путь, которымъ мы проникли въ Среднюю Азію, въ Туркестанъ. Мы пришли сюда совершенно неожиданно какъ для самихъ себя, такъ и для туземцевъ, конечно. Мы двигались впередъ потому, что обстоятельства заставляли насъ идти впередъ. Понятно, что мы явились совершенно не подготовленными. Если взглянуть кое-какія свѣдѣнія объ этой странѣ, то они и по сіе время, большею частью, лежать въ архивахъ. Пришлось изучать край на мѣстѣ.

¹⁾ Акъ-Мечеть—фортъ Перовскій, нынѣ уѣздный городъ Перовскъ.

Въ промежутокъ 1865 — 1890 гг. въ этомъ направленіи мы сдѣлали не мало. Положимъ, что еще много есть надъ чѣмъ поработать, еще до сихъ поръ край называютъ „непечатымъ“; но теперь мы можемъ производить свои изслѣдованія съ большимъ успѣхомъ.

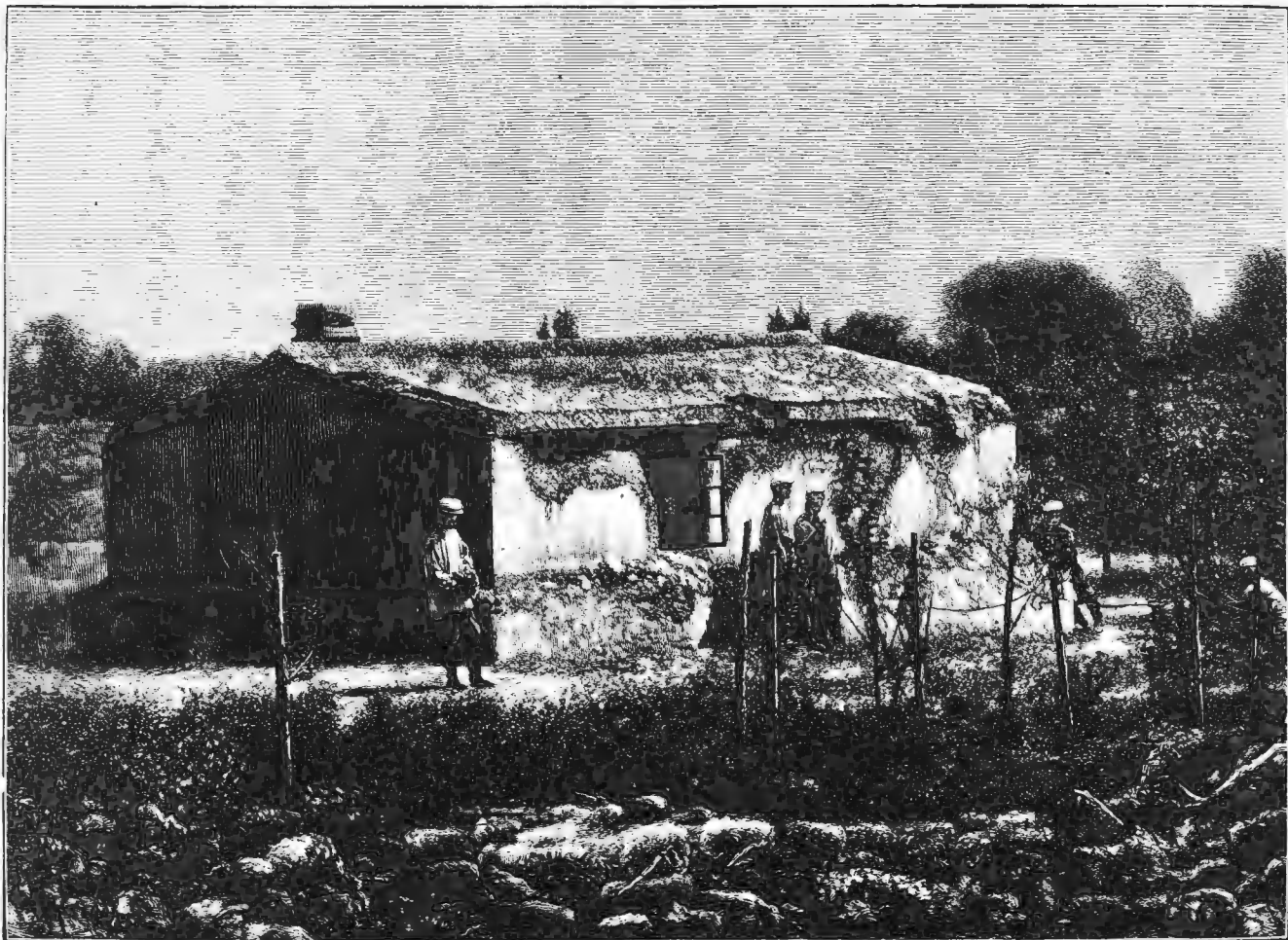
Взглянемъ только на Ташкентъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Прошло двадцать пять лѣтъ со дня завоеванія Ташкента — и городъ сталъ неузнаваемъ. Если бы пришлось кому-нибудь приѣхать сюда послѣ 25-лѣтняго отсутствія, то онъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ, до того измѣнился наружный видъ города. Въмѣсто прежнихъ мазанокъ, мы имѣемъ каменные двухъ-этажныя зданія (6 корпусовъ гимназій, магазины и даже нѣкоторыя казармы); вмѣсто азиатскихъ деревьевъ, украшавшихъ сады и улицы города, мы видимъ много европейскихъ; улицы сдѣланы широкія и главныя изъ нихъ вымощены, а остальные прекрасно шоссепроваши; давно уже нѣтъ той баснословной грязи, которая дѣлала путеше-

Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, М. Н. Галнинъ-Враскій.
Съ фотогр. Дензера, грав. Шюблеръ.

ствія по улицамъ невозможными. Каждый годъ даетъ намъ одно или нѣсколько улучшеній. Мы имѣемъ прекрасный гостинный дворъ; роскошный Константиновскій скверъ составляетъ поистинѣ одно изъ лучшихъ украшеній города. Весь городъ тонетъ въ зелени, такъ что путникъ издали видитъ одну сплошную массу зелени, и посреди ея высокооднимающійся крестъ Прображенскаго собора свидѣтельствуетъ о томъ, что это большой русской городъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ къ 1 марта 1890 г., общая площадь городекой территории — 176 кв. верстъ, число населенія города 12,880 человекъ въ русской части города, безъ войскъ, и 120,585 человекъ туземнаго населенія въ азиатской части Ташкента; въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся 1,018 человекъ обоого пола, а въ азиатскихъ школахъ и медресе 8,305 человекъ; число фабрикъ и заводовъ въ Ташкентѣ 666; выработываемыхъ на нихъ издѣлій производится на сумму 2,289,915 руб.,

Домикъ генерала Черняева въ Ташкентѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

число рабочих 1,593 человек; годовой оборот торговли Ташкента достигает теперь весьма солидной цифры: по привозу до 8 миллионов руб. и по вывозу до 7 миллионов руб.

Промышленность развилась уже сравнительно до высокой степени, результаты чего мы увидим на Среднеазиатской сельско-хозяйственной промышленной выставке, которая открывается осенью текущего года по случаю празднования 25-ти-лѣтія Ташкента.

Прилагаемый рисунок представляет домъ генерала М. Г. Черняева. Это былъ первый русскій домъ, построенный тогда по взятіи города Ташкента. Въ настоящее время онъ еще существуетъ, но въ очень плачевномъ состояніи, а въ скоромъ времени вѣроятно будетъ окончательно уничтоженъ, такъ какъ по распланировкѣ города здѣсь рѣшено построить новыя казармы. Вблизи домика находится русская крѣпость, а за крѣпостью уже начинается азиатская часть города. Домикъ Черняева послужилъ какъ бы разграничительною чертою между азиатскою и русскою частями города; отсюда начали строиться русскія зданія, разбивались улицы и т. п. Это, можно сказать, первая точка нашего укрѣпленія въ Ташкентѣ.

С. Лидскій.

Политическое обозрѣніе.

Англо-германское соглашеніе о разграниченіи колоніальной политики въ Африкѣ обсуждается многократно и многообразно, но недовольныхъ имъ, кажется, болѣе, чѣмъ вначалѣ ожидали. Къ недовольнымъ надо причислить и князя Бисмарка, вдохновляющаго, какъ слышно, *Hamburger Nachrichten*, которые назвали нынѣшній англо-германскій договоръ — „это гласное и торжественное доказательство дружбы между Германіей и Англійей“, по словамъ вѣнской *Fremdenblatt*, — „одною изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ, такъ какъ въ Восточной Африкѣ черезчуръ много уступлено англичанамъ, которые провели пѣтуцъ самымъ смѣшнымъ образомъ“. Съ другой стороны, въ Англии, только консервативные органы довольны соглашеніемъ. За-то другія газеты, въ большинствѣ случаевъ, осуждаютъ его. *Daily News* упрекаетъ министерство въ податливости и замѣчаетъ, что оно не было въ силахъ устоять противъ германской энергіи и не защитило надлежащимъ образомъ англійскихъ интересовъ. *Daily Chronicle* называетъ договоръ прямо позорнымъ и унижительнымъ, которымъ уступается приобретенный дорогою цѣною Гельголандъ. Въ этой уступкѣ та же газета видитъ начало разложенія Британской монархіи, такъ какъ теперь можно ожидать, что Италия и Испанія прибѣгнутъ къ такой же разбойничьей тактикѣ, какъ и Германія, и потребуютъ, первая — Мальту, а послѣдняя — Гибралтаръ.

Въ Германіи, въ свою очередь, указывая на громадныя уступки въ Африкѣ, которая ничто въ сравненіи съ утратой, вслѣдствіе этихъ уступокъ, нѣмецкаго вліянія на материкѣ чернокожихъ, въ то же время сомнѣваются въ выгодѣ приобретенія Гельголанда и много толкуютъ о стратегическомъ значеніи острова. Нѣкоторые, во главѣ съ адмираломъ фонъ-Генке, доказываютъ, что Гельголандъ, находящійся въ разстояніи всего 50 верстъ отъ устья Эйфера, Эльбы, Везера и Яде, служить ключемъ къ главнымъ торговымъ портамъ Германіи на Нѣмецкомъ морѣ и можетъ имѣть важное оборонительное значеніе на случай войны. Другіе прибавляютъ, что въ рукахъ германцевъ этотъ островъ можетъ приобрести также значеніе наступательное и служить отличнымъ опорнымъ пунктомъ для смѣлыхъ дѣйствій германскаго флота и мѣстомъ, въ которомъ онъ можетъ всегда найти надежное убѣжище.

Но на ряду съ этими разсужденіями встрѣчается не мало замѣтокъ отрицательнаго свойства. Такъ, въ *Rheinische Courier* другой спецiалистъ морскаго дѣла, адмиралъ фонъ-Вернеръ, возражая адмиралу фонъ-Генке, не признаетъ за Гельголандомъ никакого практическаго значенія. По его мнѣнію, Гельголандъ, приобретенный цѣною цѣлой имперіи въ Африкѣ, будетъ стоить громадныхъ денегъ и служить источникомъ безконечныхъ заботъ. Сооруженіе хорошаго порта и постройка укрѣпленій поглотятъ массу денегъ и, не смотря на это, непріятельскій флотъ все-таки будетъ въ состояніи пройти между Гельголандомъ и Кускафеномъ. Господствовать надъ каналомъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями островъ не можетъ, а въ самомъ благоприятномъ случаѣ можетъ лишь служить убѣжищемъ для миноносекъ.

Въ Софіи военный кассационный судъ рассмотрѣлъ жалобы

Паницы и товарищей, которые протестовали противъ нарушенія закона и домогались, чтобы дѣло ихъ разбиралось не военнымъ, а обыкновеннымъ судомъ. При этомъ прокуроръ потребовалъ для Паницы смертной казни безъ смягченія наказанія, а для Колобова — ссылки въ каторжную работу безъ срока. Но военный кассационный судъ, какъ телеграфируютъ въ Лондонъ изъ Софіи, утвердилъ всѣ вынесенные по дѣлу Паницы и товарищей приговоры.

Закончивъ одну комедію, болгарскіе лежавители не могутъ жить покойно и снова напоминаютъ о себѣ, старою погудкой на новый ладъ о признаніи принца Фердинанда законнымъ главою Болгаріи. Для того болгарскіе правители, чрезъ своего агента въ Константинополѣ, Вулковича, обратились къ Портѣ съ нотой, въ которой въ энергичныхъ, но въ то же время почтительныхъ выраженіяхъ излагаютъ трудность положенія, создаваемаго продолжительнымъ образомъ дѣйствій Порты, отказывающейся признать принца Фердинанда. Нота требуетъ законной поддержки сюзереннаго двора и оканчивается заявленіемъ, что если Порта отвѣтитъ и на этотъ разъ отрицательно, какъ то она сдѣлала недавно, то Болгарія почтетъ себя свободно отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ сюзерену, возвратитъ себѣ свободу дѣйствій и постарается выйти собственными силами изъ нынѣшняго неопредѣленнаго положенія. По словамъ *Neue Freie Presse*, нота болгарскихъ правителей произвела въ Турціи весьма неблагоприятное впечатлѣніе. И Кіамиль-паша, и нѣкоторые министры были приглашены во дворецъ для совѣщанія объ отвѣтѣ на болгарскую ноту. Никакого рѣшенія по этому поводу еще не принято. Вопросъ будетъ переданъ обычнымъ порядкомъ въ совѣтъ министровъ. Говорятъ въ официальныхъ кругахъ, что турецкое правительство или отвѣтитъ уклончиво, или же обратится съ запросомъ къ великимъ державамъ.

Рѣшеніе ребуса № 30 (помѣщеннаго въ № 20).

„Смѣлымъ Богъ владѣть“.

Рѣшеніе шарады № 28 (помѣщенной въ № 19).

Во-доч-на.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — Б. Кратирова, В. С. Вехъ, Москва — Р. Карачана, А. Волкова, П. Зякина, В. А. Нуртасова, Деестъ, П. С. Александрова, Бадю — И. Акинѣева, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Енаторино-славъ — Н. Поповикова, Каменна — В. Я. Сердюкова, Кронштадтъ — О. Тонъ, Лебедянь — В. И. Чурилина, Люблинъ — В. Кондратьевой, Она — К. Косолапова, Орель — Л. Бунакова, Полоцкъ — С. Берлинъ, Старица — П. Клашанцова, Славута — Е. Шнейдеръ, Харьковъ — В. Стратовническаго, Ярославль — П. М. Т., П. Мосягина.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 29 (помѣщ. въ № 20).

1) $5d = d^2 - c^2;$	$a = 21 = \mathbf{У}$
2) $j : (b - f) = - 2/3;$	$b = 4 = \mathbf{Г}$
3) $h^2 - e^2 = 128;$	$c = 16 = \mathbf{О}$
4) $(h + e) : (h - e) = 8;$	$d = 19 = \mathbf{С}$
5) $g + j = d;$	$e = 14 = \mathbf{М}$
6) $\sqrt{b + k} = 4;$	$f = 19 = \mathbf{С}$
7) $g - k = - 1;$	$g = 11 = \mathbf{Й}$
8) $a : k = e : (d - g);$	$h = 18 = \mathbf{Р}$
9) $2(f - j) = h;$	$j = 10 = \mathbf{І}$
10) $c = 16;$	$k = 12 = \mathbf{К}$

Мусоргскій.

Примѣчанія къ:

2) Чтобы получить настоящее значеніе дроби $\frac{36a - 4a^2}{4a^2 - 108}$, нужно ее сократить на $a - 3$.

6) Уравненіе $\sqrt{48x^2 + 7x - 0,8} = \sqrt[5]{2}$ возводимъ въ квадратъ:

$48x^2 + 7x - 0,8 = \sqrt[5]{4} = 4^{1/5}$; откуда получаемъ квадратное уравненіе:

$8x^2 + 7x - 1 = 0$; беремъ цѣлое рѣшеніе $x = - 1$.

9) Назвавъ въ уравненіи $\sqrt{x + 350} - \sqrt{x - 853} = 3\sqrt{x + 350}$ черезъ y , видоизмѣняемъ его такъ: $y - \sqrt{y^2 - 1203} = 3$; откуда находимъ сначала $y = 202$, а затѣмъ $x = 40454$. Въ числѣ 40454 есть только двѣ значущія цифры 4 и 5; ими только могутъ начинаться искомыя пятнадцатичисла.

Разсуждая такъ, мы находимъ сначала количество пятнадцатичиселъ, начинающихся съ 4 по формулѣ $\frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4}{1 \cdot 2} = 12$, а чиселъ, начинающихся съ 5 по формулѣ $\frac{1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4}{1 \cdot 2 \cdot 3} = 4$; а всего 16.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: СПб. — Б. Котыхова, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Лебедянь — В. И. Чурилина, Соколка — В. Сокозскаго, Ярославль — Д. А. Боговлянскаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Г.г. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Г.г. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ САДЪ.

Рассказъ Поль Маргеритъ.

(Переводъ Е. И. Г.—чъ).

— Я нахожу, — проговорилъ, обращаясь ко мнѣ, де-Венсъ, грѣя у огня свои холодныя, длинныя и тонныя какъ у женщины руки, такія холодныя, что онѣ отъ жара не согрѣвались, а только краснѣли, — я нахожу, что помѣщенія, въ которыхъ живутъ люди, наполнены какою-то особою личною ихъ атмосферою; въ нихъ какъ бы витаютъ въ невидимыхъ атомахъ, въ незамѣтныхъ испареніяхъ, частички человеческихъ душъ. Только этимъ объясняю я то странное неприятное ощущеніе, которое испытываемъ мы, верные люди, входя въ жилища даже не обитаемыя, принадлежавшія когда-то людямъ несимпатичнымъ намъ по духу, людямъ другой, чуждой намъ породы или же тѣмъ субъектамъ, къ которымъ мы могли бы относиться враждебно и недружелюбно...

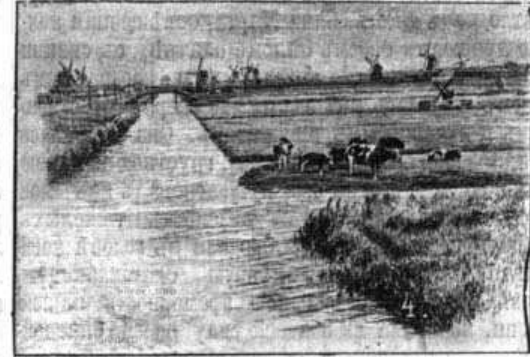
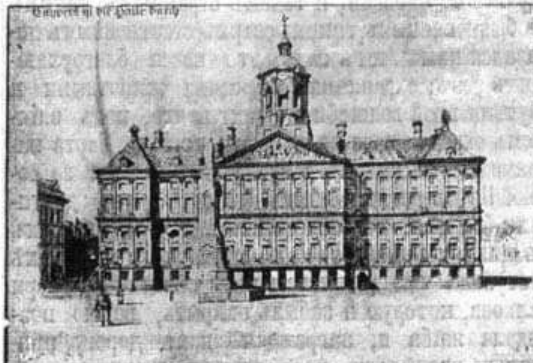
Произнося эти слова, де-Венсъ пристально глядѣлъ на меня своими странными, блестящими, ярко синими глазами.

— Вотъ тебѣ доказательство того, что я не ошибаюсь, — проговорилъ онъ. — Вѣдь ты согласишься съ тѣмъ, что намъ плохо спится въ гостиницахъ? И не боязнь воровъ лишаетъ насъ сна? Намъ просто не спится отъ сознанія, что многие незнакомцы жили до насъ въ этихъ самыхъ комнатахъ, спали на одной и той же постели, ступали по однимъ и тѣмъ же коврамъ, вытирались одними и тѣми же полотенцами. Видь какой-нибудь позабытой шпильки или пуговицы отъ жилета, найденной въ ночномъ столикѣ, такъ неприятно дѣйствуетъ на насъ, что намъ начинаетъ казаться, что мы ошиблись комнатою и, что вотъ-вотъ дверь откроется и кто-нибудь войдетъ къ намъ...

Де-Венсъ продолжалъ говорить, стоя у окна, на сѣромъ фонѣ котораго рельефно выдѣлялся высокій тонкій силуэтъ молодого человѣка, казавшійся мнѣ еще тоньше отъ его чернаго костюма. Со дня смерти своей жены, умершей три года тому назадъ, мой пріятель не оставлялъ траура.

— Никогда не чувствовалъ я такъ сильно вліянія незнакомой мнѣ обстановки, — продолжалъ онъ, — какъ въ тѣ зимы, во время которыхъ болѣзнь моей бѣдной жены заставляла насъ перекочевывать изъ Ниццы въ Алжиръ, изъ Алжира въ Палермо, изъ Палермо въ Канью. Намъ приходилось устраиваться въ виллахъ, ежегодно сдаваемыхъ выдоравливающимъ или же умирающимъ космополитамъ, банальная роскошь которыхъ все-таки напоминала намъ меблированныя комнаты. Виллы эти, по расположенію своихъ верандъ, построенныхъ на итальянскій ладъ, по своимъ большимъ, широко раскрытымъ окнамъ, чрезъ которыя врывались цѣлые потоки яркихъ солнечныхъ лучей, походили скорѣе на сааторія для больныхъ, нуждающихся въ солнцѣ и теплѣ. Особенно яркимъ сохранилось во мнѣ воспоминаніе объ одномъ домѣ и цвѣтущемъ садѣ, которые на мой взглядъ были пожитительно заколдованы. Воздухъ, которымъ мы тамъ дышали, вредно отзы-

ПО ПОВОДУ ТОРЖЕСТВЪ ВЪ АМСТЕРДАМЪ.

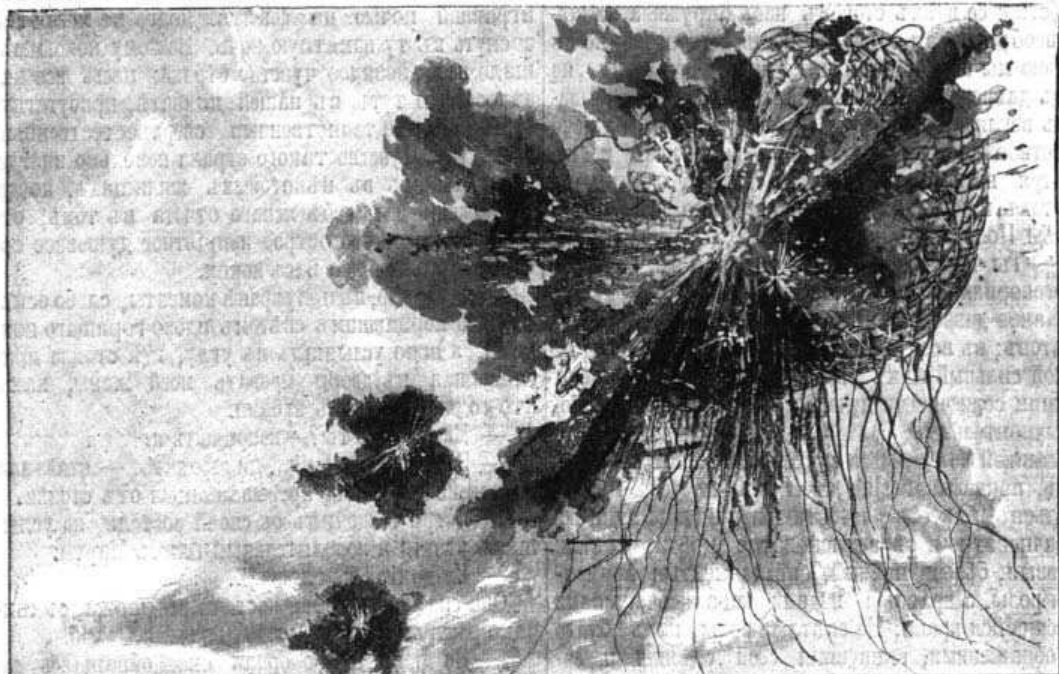

1) Королевскій дворецъ. 2) Мостъ и шлюзъ на р. Амстель. 3) Рѣка Амстель. 4) Луга, прорѣзанные каналами и канавами въ окрестностяхъ Амстердама.

сразу почувствовать, что вокругъ меня въ воздухѣ витаетъ что-то особенное, что-то сверхъестественное. Въ саду росли одинъ только розы; безчисленныя, яркія, прекрасныя, онѣ цвѣли тамъ благоухающими массами. Куда ни взглянешь — розы и розы, тутъ цѣлые снопы этихъ дивныхъ цвѣтовъ, тамъ цѣлые каскады изъ нихъ. Розы вились по стволамъ деревьевъ и, перекидываясь съ одной древесной вѣтки на другую, образовывали какъ бы висячіе цвѣтущіе мосты. Онѣ росли въ безпорядкѣ, но безпорядкѣ причудливомъ, оригинальномъ, гармоничномъ. Часть сада представляла изъ себя нерасчищенный лѣсъ, гдѣ розы бѣлыя, красныя, розовыя и свѣтло-палевыя цвѣли тысячами. Свѣтло-желтыя розы, освѣщенные яркимъ солнцемъ, свѣтились, какъ пламя многочисленныхъ зажженныхъ свѣчей. Тамъ, гдѣ коцался дѣвственный цвѣтущій лѣсъ, начинались правильныя, ровныя искусственныя аллеи изъ цвѣтущихъ кустовъ. Розы бѣлыя, розовыя, красныя, подрѣзанныя на одинаковой высотѣ; тянулись рядами и казались бордюромъ чудеснаго индійскаго ковра; тамъ, вдали, видѣлись массы темныхъ, огромныхъ красныхъ розъ и, выдѣляясь на фонѣ яркой зелени, казались лужицами темной крови. Еще дальше видѣлась цѣлая арка изъ нѣжныхъ махровыхъ розъ. Вѣтеръ осматривалъ землю листками отцвѣтавшихъ цвѣтовъ, а нарождавшіеся новые, казались, распускаясь тутъ же на нашихъ глазахъ. Сильный и нѣжный запахъ, исходящій отъ всѣхъ этихъ цвѣтовъ, наполнял садъ какимъ-то особеннымъ благоуханіемъ; запахъ этотъ одновременно ошаривалъ и убаюкивалъ, успокаивалъ и наводилъ уныніе; душа какъ будто бы обмирала, сладостная грусть наполняла все ваше существо и непрощенныя слезы навертывались на глаза. Здѣсь, въ этомъ волшебномъ саду, у васъ не было желаній, не чувствовалось больше страданій, и только хотѣлось «умереть». Никогда не забуду я выраженія лица моей покойной жены, не забуду экстаза, свѣтившагося въ ея глазахъ, не забуду звука ея умоляющаго голоса, когда она обернулась ко мнѣ и проговорила:

— О Розы!

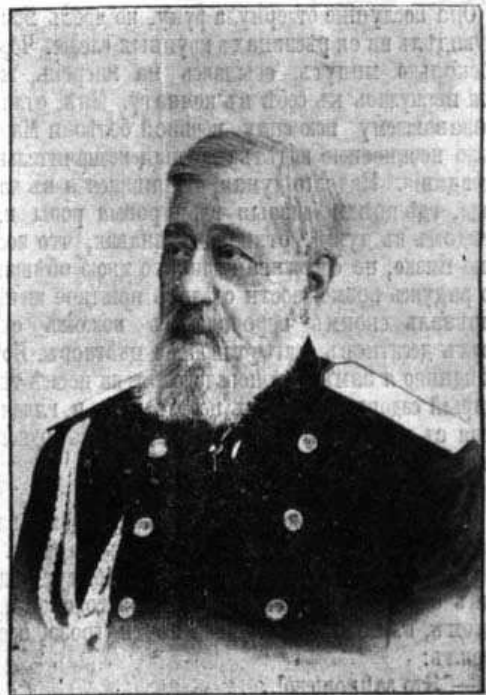
Просьба жены была для меня болѣе чѣмъ приказаніемъ. Осмотрѣвъ домъ, обстановку котораго, состоявшая изъ прекрасныхъ старинныхъ вещей и мебели, обтянутой выдѣланными старинными тканями, придавала всей этой виллѣ особенный изысканный видъ и рѣзко отличала ее отъ нашихъ прежнихъ наемныхъ жилищъ, банальная роскошь которыхъ такъ странно надоела намъ, мы распорочились съ садовникомъ и, усѣвшись въ экипажъ, сразу рѣшили ѣхать къ тому доверенному лицу владѣльца виллы, къ которому должны были обращаться всѣ, желавшіе нанять этотъ домъ и садъ, носившіе названіе «Царство розъ». Повѣренный привялъ насъ съ вѣжливостью, холоднымъ и дѣловымъ видомъ официальнаго лица. Жесты его, какъ у большинства его собратьевъ, были одновременно осторожны и угловаты. Передъ

ОПЫТЫ ВЪ ШАЛОНСКОМЪ ЛАГЕРѢ, по берлинской «Mast. Zeitung», съ новой 75-ти миллим. скорострѣльной полевой пушкой: 1) Четвертый выстрѣлъ въ привязанной воздушный шаръ, находящійся на высотѣ 600 метровъ, съ разстоянія въ 6000 метровъ. 2) Результатъ стрѣльбы параллелью изъ одного скорострѣльнаго орудія въ теченіе одной минуты по мишенямъ, изображающимъ пѣхоту въ прикритіи; черныя точки на мишеняхъ — точки смерти, — указываютъ мѣста, пробитыя пулями.

Ген.-лейт. Н. Н. СУХОТИНЪ, начальникъ Николаевской Академіи генеральнаго штаба.

Ген.-отъ-инф. Г. А. ЛЕЕРЪ, членъ Военнаго Совѣта, бывшій начальникъ Николаевской Академіи генеральнаго штаба.

вался на насъ, онъ точно околдовывалъ наши сердца, въ немъ носилась какая-то сладостная истома, парализовавшая нашу волю. Онъ дѣйствовалъ на насъ такъ, какъ дѣйствуетъ на людей, живущихъ въ лѣсныхъ чащахъ, злокачественная малярія. Только въслѣдствіи понявъ я причину этого страннаго состоянія.

Проговоривъ это, де-Венсъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ глядѣлъ молча на огонь. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Въ ту далекую уже зиму по предписанію докторовъ мы должны были отправиться въ Канью. Намъ выборъ не могъ остановиться ни на одной изъ тѣхъ виллъ, на которыя указывалъ намъ хозяинъ нашей гостиницы, которому мы поручили

найти подходящее для насъ помѣщеніе. Ни одна изъ нихъ не удовлетворяла нашимъ требованіямъ. Мы собрались было ѣхать въ Канью поселиться въ Санъ-Ремо или въ Неаполь, но случай рѣшилъ иначе. Мы проѣхали, катаясь съ женою по городу, мимо большого огороженнаго сада, въ глубинѣ котораго между верхушками тѣнистыхъ деревьевъ выглядывалъ фасадъ стариннаго дома, стѣны котораго почти сплошь покрыты были плющомъ. На фасадѣ значилось, что домъ «сдается». Я позвонилъ у глухой изгороди, сдѣланной изъ кусковъ толя и скрывавшей отъ глазъ прохожихъ

садъ виллы. Старый хромой садовникъ, явившійся на мой звонокъ, отперъ намъ калитку сада. Откуда и почему являются у насъ неожиданныя симпатіи и антипатіи къ совершенно незнакомымъ людямъ? Взглянувъ на садовника, я сразу почувствовалъ къ нему неопредѣлимую антипатію и какое-то скрытое недоброежелательство. У старика былъ какой-то надутый, злой видъ, видимо, онъ былъ недоволенъ нашимъ появленіемъ, недоволенъ тѣмъ, что его потревожили. Впрочемъ, онъ молча пошелъ впереди насъ съ очевиднымъ намѣреніемъ обойти съ нами домъ. Войдя въ садъ, я

чтеніемъ контракта онъ проговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Милостивый государь! Я долженъ предупредить васъ объ одномъ важномъ условіи, тягость котораго быть можетъ испугаетъ вашу супругу, но которое, къ сожалѣнію, ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть нарушено. Отъ жильцовъ виллы требуется, чтобы они не касались сада и, кромѣ того, «ни одна» изъ розъ не можетъ быть срѣзана или сорвана пши. Нельзя воспользоваться хотя бы однимъ только цвѣткомъ, не нарушая предсмертнуво волю покойной владѣльщицы виллы. Неполное сего условія повлечетъ за собой нарушеніе контракта, съ уплатою неустойки нынѣшней владѣльщицы, которая всту-

шла во владѣніе домовъ подъ тѣми же условіями, обѣщая сохранить завѣтъ своей умершей матери сама и требовать этого отъ случайныхъ обитателей виллы. И такъ, милостивый государь, я прошу у васъ и у вашей супруги устало обѣщания исполнить волю усопшей. Я удовлетворюсь вашими честными словами!..

Проговоривъ это, повѣренный, очевидно, увидѣвъ безпокойство на лицѣ моей жены и замѣтивъ выраженіе удивленія въ моихъ глазахъ, такъ какъ посѣбно прибавилъ:

— Какъ вы, вѣроятно, это уже знаете, домъ этотъ принадлежалъ княгинѣ Черской! — Сказавъ это, повѣренный болѣе ничего не добавилъ, не то подчинялся своей профессиональной скромности, не то по нежеланію распространяться о томъ, о чемъ, по его мнѣнію, всѣ жившіе въ Каннѣ должны были бы знать. Но потомъ, какъ бы извнялся, онъ проговорилъ, разглядывая кончики своихъ ногтей:

— У мертвыхъ иногда бываютъ странныя фантазии, впрочемъ, и у живыхъ также!

Что оставалось намъ дѣлать послѣ этихъ словъ? Мы рѣшили отложить до утра наше окончательное рѣшеніе. Вернувшись домой, мы стали разсиранивать у знакомыхъ про виллу княгини Черской, но всѣ отвѣчали намъ очень неопредѣленно и странно.

— Ахъ, да! — говорили одни. — Вилла принцессы Черской! Какъ же, какъ же! Тамъ такъ много розъ!..

Другіе поясняли съ какимъ-то сожалѣніемъ:

— Тамъ чудный видъ на море! — говорили они. — Мы слышали, что въ виллѣ прелестная обстановка! Въ домъ остались всѣ вещи, принадлежавшія покойной княгинѣ; тамъ ничего не измѣнили со дня ея смерти!..

Нѣкоторые добавляли:

— Ахъ, да, дочь княгини! О ней мы, право, ничего не знаемъ. Она, говорятъ, замужемъ за герцогомъ д'Альей, живетъ въ Виѣ и никогда сюда не заглядываетъ!..

Недобившись ничего опредѣленнаго, мы рѣшили нанять эту виллу и сдѣлать временными владѣльцами сада, въ которомъ цвѣли такія дивныя розы. Я говорю владѣльцами, но не пропня ли это, — любоваться цвѣтами, вдыхать ихъ дивный аромат и быть лишеными права касаться до нихъ! Говоря откровенно, мнѣ лично было совѣсемъ безразлично рвать или не рвать розы, я даже всегда предпочиталъ любоваться живыми цвѣтами, качающимися на стебляхъ. Но каждое запрещеніе заключаетъ въ самомъ себѣ какое-то оскорбленіе, слѣдствіемъ котораго является невольное желаніе, во что бы то ни стало, добиться своего. Я испытывалъ, самъ не зная почему, какое-то неприятное чувство отъ сознанія того, что согласился на подобныя стѣснительныя условія. Кроме того, я очень боялся, что онъ неприятие будетъ отзываться на настроеніи моей жены. И вносѣдствіи оказалось, что я въ этомъ отношеніи не ошибся. На слѣдующій же день когда мы гуляли по саду, зашли въ самую его часть, жена моя подъ вліяніемъ мимолетнаго неотразимаго желанія, которыми такъ часто страдаютъ женщины, протянула руку къ дивной чайной розѣ. Я посѣпшилъ ласково остановить ее, проговоривъ:

— Рвать розы не разрѣшается, милая Марта!

Она послушно отдернула руку, но чрезъ минуту я увидѣлъ на ея рѣсницахъ крупныя слезы. Чрезъ нѣсколько минутъ, смылая на мигрень, жена моя вернулась къ себѣ въ комнату. Мнѣ, отличному соизнававшему всю силу нервной болѣзни Марты, было невыносимо видѣть ея самыя незначительныя страданія. Недолго думая, отирался я въ часть сада, гдѣ цвѣли дивныя пурпуровыя розы и, со стыдомъ въ душѣ, отливо сознавая, что поступаю низко, не сдерживая даннаго мною обѣщанія, но радуясь возможности сдѣлать приятное женѣ, я нарвалъ своимъ перочинными ножомъ около двухъ десятковъ благоухавшихъ цвѣтковъ. Но неожиданно я замѣтилъ позади себя на пескѣ тѣнь; старый садовникъ стоялъ предо мною и, глядя на меня съ упрямомъ, бормоталъ голосомъ одновременно грустнымъ и злымъ.

— Это запрещено!

Завначенный врасплохъ, я покраснѣлъ какъ реbenokъ, но тотчасъ же вынулъ изъ кармана золотую монету и протянулъ ее старику; садовникъ отошелъ отъ меня покачивая головой и голосомъ, въ которомъ звучала почти угроза, проговорилъ:

— Это запрещено!

Пожима плечами, разозленный, пристыженный я унесъ цвѣты. Желая успокоить себя, я мысленно себѣ твердилъ: «Какой отвратительный старикъ этотъ садовникъ! Какое несимпатичное у него лицо. И, въ сущности, что сдѣлалъ я дурного? И какъ это все глупо, однако!»

— На! — проговорилъ я, обращаясь къ женѣ и кладя ей розы на колѣны; но Марта не взглянула на цвѣты, не дотронулась до нихъ; розы соскользнули съ ея колѣнъ и упали на полъ. Я подпаялъ цвѣты и поставилъ ихъ въ вазу, но, какъ и женѣ, они не доставляли миѣ удовольствія, аромат ихъ даже какъ-то даже раздражалъ меня. Я испытывалъ какое-то неприятное ощущеніе неловкости отъ сознанія своей неправоты. Три дня спустя послѣ этого событія я былъ очень удивленъ, когда въ часть ночи моя жена, которой почему-то не хотѣлось спать, ласкалась ко мнѣ, проговорила:

— Теперь такъ тепло и тихо! Пожалуйста, пройдемся со мною по саду. Я одѣваясь потелась и по тарансу не протрудиться. Ты согласишься, Рोजе?

Я открылъ дверь на веранду; дѣйствительно, ночь была тиха и тепла, небо сіяло звѣздами,

теплый вѣтеръ шепестилъ цвѣтущими кустами, озаренными полною луною. Отъ розъ несло сильное пріятное благоуханіе, отъ котораго все существо наводнялось какой-то необыкновенною ласкою, сожалѣніемъ и желаніемъ, безъ формы и цвѣта, дѣйствовавшими на васъ такъ же, какъ дѣйствуетъ музыка симфоніи, которую слушаете съ закрытыми глазами. Розы, которыми мы не пользовались, которыя сдѣлались намъ чуждыми и почти враждебными со дня происшествія съ букетомъ, притягивали насъ теперь къ себѣ въ эту ночь, когда мы знали, что на насъ не глядятъ изъ-за угла своими злыми глазами старый садовникъ. Въ эту ночь тихій и безмолвный садъ, въ которомъ не щебетали птицы, освѣщенный луною, казался намъ инымъ, чѣмъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ!..

Обращаясь къ Мартѣ, я проговорилъ:

— Подедемъ!..

II. Какъ свѣтло было въ этомъ волшебномъ саду, свѣтло какъ днемъ. Сама Марта, освѣщенная полною луною, въ своемъ бѣломъ платьѣ, съ своими пестрыми волосами, блѣдымъ и прозрачнымъ лицомъ, казалась мнѣ какимъ-то сверхъестественнымъ и лучезарнымъ признакомъ. Она улыбалась мнѣ, подобно больному ребенку, грустно и милою улыбкою, и, глядя на нее, я чувствовалъ какъ мое сердце сжимается подъ давленіемъ тяжелыхъ предчувствій. Какія думы бродили въ головѣ моей молодой жены въ эту лунную благоухающую ночь? Сознавала ли она всю эфемерность нашей жизни, понимала ли она всю силу своей опасной болѣзни, предчувствовала ли близость своей кончины? Быть можетъ ее просто волновалъ страхъ передъ таинственностью этого страннаго сада, страхъ передъ неясными, безформенными очертаніями тѣней, видѣвшихъ въ его глубинѣ. И въ самомъ дѣлѣ въ воздухѣ носилось какое-то волшебство; со всѣхъ сторонъ насъ окружала какаятто необъяснимая таинственность. Одновременно съ женою мы почувствовали желаніе обернуться, но подъ давленіемъ необъяснимаго страха не рѣшились взглянуть назадъ, а между тѣмъ мы явочувствовали чье-то дыханіе позади насъ и, не смотря на полное отсутствіе вѣтра, листья на кустахъ и деревьяхъ какъ-то странно шелестѣли. Нѣтъ! Положительно садъ былъ заколдованъ!

— Ты чувствуешь, какъ пахнутъ эти розы? — проговорила наконецъ Марта.

Какое дивное благоуханіе несло отъ этихъ цвѣтвъ; въ воздухѣ носился аромат, правда, не такой сильный какъ днемъ, когда розы освѣщены яркими солнечными лучами, но болѣе вѣрный, болѣе упонительный, болѣе сладостный, — какъ будто сотканный изъ вѣтри и истомы и пронизывавший насъ, пронизывавший до мозга костей. Изъ за листьевъ и вѣтвей, которые окрашала луна въ коричневатые и сѣро-зеленоватыя цвѣта, бѣгли розовыя, блыя, чайныя, свѣтло-желтыя ароматныя розы, а красныя издали казались кустами запекшейся крови. Но свѣтлыя розы, какъ будто бы обожженные, скинувши свои одѣванія и застпгнутыя врасплохъ во время сна, какъ наслаждались онъ пріятнымъ, ласкающимъ фосфорическимъ освѣщеніемъ, царившимъ въ саду. Любуясь ими, мы съ Мартою поняли, что гуляемъ въ волшебномъ заколдованномъ саду.

Какъ бы для довершенія очарованія, въ аллеяхъ сада въ то время, когда мы очутились въ глубинѣ его у бассейновъ, покрытыхъ водяными растениями, раздались живые, почти человѣческие голоса, посылались грустный и вѣрный набувъ, въ которомъ звучали только двѣ ноты — свистящая и хрипящая. Это — жабы набували свою меланхолическую пѣсню, при звукахъ которой моя жена повисла на моей рукѣ и голосомъ, въ которомъ слышалось инстинктивное отвращеніе, такъ часто испытываемое женщинами при видѣ пресмыкающихся, проговорила:

— Скорѣе, Рोजе! Скорѣе вернемся домой!

Медленно разошлось пѣнье жабы, мы вникнули, казалось, какому-то хрипу любви и сна. То слышалось solo самки, отвѣчавшей своему возлюбленному, то вдругъ начинался дуэтъ обоихъ супруговъ и одновременно слышался звукъ двухъ голосовъ — прозвѣстнаго и степеннаго. Мало-по-малу монотонная симфонія утихивалась и проснувшиеся эхо стало отвѣчать ей со всѣхъ сторонъ. Казалось, что во всѣхъ углахъ сада, подъ каждымъ розовымъ кустикомъ, въ каждой клумбѣ, подъ каждымъ деревомъ чета жабы набувала свой любовный, томный и порывистый дуэтъ.

— Я боюсь, Рोजе, — проговорила Марта, — вернемся скорѣе.

Но въ это мгновеніе охватившее насъ очарованіе приняло другую форму. Мы услышали жалобный звукъ флейты. Невѣдомо откуда неслись эти звуки. Странная, отдаленная, усыпаящая и оригинальная мелодія повеселась въ воздухѣ. И неожиданно все смолкло вокругъ насъ, слышались только звуки флейты; прекратился жалобный набувъ жабы; замеръ цвѣтущій садъ; раздвинулись только кристаллическія ноты инструмента, звучавшія, какъ звучатъ водяныя капли или разсыпанныя жемчужинки, падающія на землю. Возникъ что-то замечательно листвами. Послышался еще шелестъ, потомъ другой, все ближе и ближе. Жаба запрыгала по алѣ, за ней другая, потомъ третья. Волшебныя нѣ звуки флейты притягивали къ себѣ пресмыкающихся? Неужлиже присѣдѣвшая жаба, одна за одной, запрыгала по алѣ, освѣщенной луною; я почувствовалъ, что жена моя вся дрожитъ отъ страха; выв себя отъ ужаса она проговорила:

— Роже, Роже, взгляни же на нихъ!

Звуки флейты, повидному доносившіяся со

стороны дома, притягивавшіе къ себѣ пресмыкающихся, морщинистыхъ и черныхъ пресмыкающихся вдругъ смолкли. Прыгающая толпа жабы моментально остановилась. Бѣлые зобы животныхъ надулѣли и какъ бы отвѣтомъ на звуки флейты снова зазвучала ихъ монотонная пѣсня любви. Но флейта заиграла вновь и на этотъ разъ звуки ея неслись не смолкая, и такимъ страннымъ, такимъ необыкновеннымъ, такимъ сверхъестественнымъ по-казалась намъ этотъ садъ, эта масса благоухающихъ розъ, охраняемая поющими животными и звуками этой волшебной флейты, что, подъ вліяніемъ охватившаго ее сильного страха, Марта направилась бѣгомъ къ дому, увлекаемая за собою. Но въ этотъ моментъ, когда мы уже достигли балкона, съ облегченіемъ людей, близкихъ къ цѣли, жена моя громко крикнула и въ страхѣ отступила назадъ. На порогѣ стеклянной двери балкона, которую я забылъ закрыть, важно воссѣдала жаба и, заграждая намъ дорогу, пристально глядѣла на насъ своими круглыми глазами. Но помощь явилась внезапно. Мы услышали за собою послѣдніе шаги и, обернувшись, увидѣли стараго садовника, страннаго очарователя таинственнаго сада, который шелъ къ намъ съ флейтою въ рукахъ. Онъ подпаялъ инструментъ, какъ подпаяетъ дирижеръ свою палочку передъ оркестромъ. Глядя на приподнятую флейту, жаба рѣшилась удалиться. Медленно, какъ бы съ сожалѣніемъ, спустилась она со ступеней подъезда, и мы могли безпрятственно войти къ себѣ, сопровождаемые взглядомъ строгихъ глазъ садовника, повидному ожидавшаго, чтобы дверь захлопнулась за нами. Ни однимъ словомъ не обмѣнялись мы со старикомъ. Мы не могли произнести ни звука: такое чувство страха и ужаса передъ необъяснимымъ навѣли на насъ эти, сами по себѣ ничего ужаснаго не представлявшія розы, эти пѣвшія и скакавшія животныя и этотъ старикъ, правившій ночью на флейтѣ. Долго не могли мы заснуть въ ту памятную ночь. Нашему покою мѣшало необъяснимое чувство страха; намъ все казалось, что тутъ, въ нашей комнатѣ, присутствуютъ какія-то таинственныя сверхъестественныя существа. Чувство такого страха неволью иногда денсываешь въ нѣкоторыхъ жилищахъ, когда не можешь дать себѣ яснаго отчета въ томъ, откуда вылетаетъ это острое неприятное душевное состояніе, лишающее васъ покоя.

Неожиданно, въ полумракѣ комнаты, слабо освѣщенной мерцавшимъ свѣтомъ плохо горящаго ночника, я ясно услышалъ въ углу, гдѣ стояла при-слобленная къ двери кровать моей жены, какъ кто-то заскрежеталъ зубами.

— Марта, это ты? — вскричала я.

— Это я... у... меня... лихорадка!.. — отвѣтила мнѣ жена голосомъ, прерывавшимся отъ страха.

Я быстро соскочилъ съ своей постели, но услышалъ рѣзкій и повелительный голосъ Марты:

— Не двигайся, слушай!

Она сѣла на своей постели вся дрожа, съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами.

— Не дыши! — говорила она, обращаясь ко мнѣ. — Не дыши, слушай!.. слушай!.. Ты слышишь дыханіе, кто-то дышитъ подъ моею постелью?..

Въ самомъ дѣлѣ, тихій, неповытый звукъ, какакое-то странное дыханіе слышалось въ комнатѣ. Но кто могъ проникнуть сюда черезъ открытую дверь, во время нашей прогулки?

Я посѣбно зажегъ свѣчу и съ карманнымъ револьверомъ въ рукахъ заглянулъ подъ кровать Марты, которая продолжала дрожать и твердила:

— Берегись, берегись, Рोजе!..

Подъ кроватью ничего не оказалось, за диваномъ также. Я быстро заглянулъ за ширму въ уголъ комнаты — также ничего, а между тѣмъ непонятное дыханіе дѣлалось все громче и громче; казалось, что дышитъ существо, которому слышно и которое прячется. Я сталъ передвигать стула, но вдругъ услышалъ крикъ жены; что-то черное запрыгало по ковру; двинулась огромная пятнистая жаба, до тѣхъ поръ скрывавшаяся подъ стуломъ. Мигомъ бросился я къ двери, надѣясь отпереть ее и выгнать противное животное, но не тутъ-то было: жаба, испуганная крикомъ жены, бросилась въ ее сторону.

— Выбрось ее, выгони ее! — молила Марта, крича во всю силу легкихъ.

Легко сказать! Я такъ же боялся отвратительнаго пресмыкающагося, какъ и она. Я посѣпшилъ положить на каминъ револьверъ, оказавшійся тутъ некстати и, вооружась палкою, подгналъ за жабою. Она прыгнула подъ кресло, я успѣлъ ее выгнать оттуда, но затѣмъ она унырнула вскочить на стулъ. Сильнымъ ударомъ палки я откинулъ ее въ противоположный уголъ комнаты, но, вмѣсто того, чтобы спастись чрезъ открытую дверь, жаба прыгнула вверхъ и бросилась въ сѣноткѣ и, звоня изо всѣхъ силъ, оторвала ее. Жаба забилась подъ кровать въ самый уголъ и не рѣшалась покинуть своего мѣста. Лежа на полу, я изо всѣхъ силъ старался выгнать палкою пресмыкающагося, но всѣ мои усилия оставались тщетными. Палка прикисалась къ мягкому рыхлому тѣлу животного и верная дрожь охватывала меня. Я выхватилъ изъ ноженъ шпагу и изо всѣхъ силъ отодвинулъ кровать, въ надеждѣ добраться до отвратительнаго животнаго. На этотъ разъ жаба двинулась съ мѣста и въ одинъ прыжокъ очутилась у камина: она обожглась о тлѣющіе въ немъ уголья и снова запрыгала по ковру; долго пришлось мнѣ бѣгать за нею, пока наконецъ не удалось притянуть животное къ ножкѣ кресла и прозвать его шпагою. Бѣлоз брюшкы жабы сразу опало, кровь брызнула на тканъ кресла, лапы ея судорожно задрожали, а глаза почти

выскочили изъ орбитъ. Въ этотъ самый моментъ Марта упала на руки вѣбавшей на звонокъ горничной; у жены начались конвульсии и въ продолженіе двухъ недѣль она не могла покинуть постели, страдая отъ ужасной лихорадки съ страшными бредомъ.

Де-Венсъ въ нѣсколько минутъ замолкъ. Онъ какъ будто бы мысленно разрѣшалъ какой-то вопросъ, но потомъ продолжалъ:

— Когда женѣ моей разрѣшили встать съ постели, — началъ онъ, ей захотѣлось во что бы то ни стало покинуть виллу. Мы перемѣнили комнату, но она все же не могла совладать съ своимъ страхомъ. Какъ и мнѣ, впрочемъ, ей все мерещилась проткнутая шпагою жаба съ судорожно вытянутыми лапками, съ распоротымъ бѣлымъ брюшкомъ, изъ котораго сочилась яркая кровь. Докторъ, явившійся въ ночь катастрофы, объявилъ намъ, что убитое животное была самка. По всей вѣроятности, вмѣстѣ съ самцомъ сѣдла она на порогѣ балкона, когда появился старый садовникъ. Повидному, она не успѣла выскочить вмѣстѣ съ нимъ въ садъ и попала въ залъ, а оттуда къ намъ въ спальню. Я вспомнилъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ дверь изъ спальни въ залъ оставалась открытой (мы спали внизу, такъ какъ комнаты верхняго этажа оказались чересчуръ холодными). Вотъ вамъ и простое объясненіе всего происшедшаго.

Но кто объяснитъ мнѣ таинственное очарованіе благоуханнаго сада этой виллы, ужасъ этой тревожной ночи, странную случайность, благодаря которой несчастное животное попало къ намъ съ тѣмъ, чтобы такъ страшно напугать насъ и затѣмъ погибнуть? Кто разъяснитъ мнѣ тысячу не-объяснимыхъ ощущеній, охватывавшихъ насъ во время нашего пребыванія въ этой виллѣ, ощущеній, окутывавшихъ насъ какимъ-то недомоганіемъ и неловкостью? Откуда и кѣмъ навѣвался на насъ ночью странный и таинственный шовдѣнѣй, почему окутывала насъ днемъ эта злокачественная малярія? Накопецъ откуда шли эти таинственныя необъяснимыя страхи, вся эта лучезарная тоска цвѣта розъ, эта томительная жажда смерти, одинъ словомъ, всѣ ощущенія, символнзирующія эту странную таинственную виллу? Кто объяснитъ мнѣ все это?

Надо сознаться въ томъ, что когда контрактъ былъ нарушенъ и когда три недѣли спустя мы покинули «Фарство розъ», всѣ молчавшіе до тѣхъ поръ языки сразу заговорили. Передъ нами ужъ не стали скрывать того, что въ этой таинственной виллѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ, до самой своей смерти, жила безумная княгиня Черская. Намъ объявили, что тамъ застрѣлился ея молодой сынъ... но.. но видѣ это же не доказательство?

И голосомъ нервнѣющимъ и въ которомъ звучало сомнѣніе, де-Венсъ еще разъ проговорилъ:

— Но видѣ это же не доказательство!..

ДОМИКЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВА ВЪ ТАШКЕНТѢ).

Скоро на домикъ опустѣлый И вспомнилъ тотъ моментъ, Когда, рывшая на подвѣтъ свѣтъ, Черяевъ штурмомъ взялъ Ташкентъ.

Два мѣсяца прошло, какъ молодецкія войска, подъ начальствомъ Михаила Григорьевича, послѣ уорнаго и кровопролитнаго боя, продолжавшагося цѣлыя сутки, занялъ горъ Ташкентъ, эту древнѣйшую Средне-Азиатскую столицу, съ столѣтнимъ населеніемъ, служившую главнымъ олотомъ мусульманскаго владычества въ Туркестанскомъ краѣ. Русская жизнь стала понемному водворяться въ завоеванномъ городѣ, на улицахъ слышалась русская рѣчь, все приходило въ надлежащій порядокъ. Первоначальный страхъ, овладѣвшій населеніемъ, смѣнился полнымъ довѣріемъ. Туземцы поняли, что русскій гроевъ въ бою, но добръ и сердеченъ въ мирное время, и охотно стали сближаться съ нимъ. Оживленный торгъ открылся въ самомъ лагерѣ. Хотя между туземцами и были фанатики, цитавшіе непримиримую вра-

* Рассказъ этотъ былъ препровожденъ М. Г. Черяеву для прочтенія и разрѣшенія напечатать, на что послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

Петербургъ, 21-го февр. 1898 г.

«Алексѣй Николаевичъ»

Письмо ваше и приложенная въ нему статья, для прочтенія, тронули меня до глубины души. Сердечное спасибо вамъ за то и другое. Какъ бывшій редакторъ газеты «Русскій Миръ», я испрашиваю ея для печатанія и исправленія нѣкоторыхъ фактъ, которые могли за давностью успользовать изъ вашей памяти, но въ моей вѣрности неизгладимо. Взятые Ташкента слишкомъ много повліяли на всю мою оставшуюся дѣятельность, чтобы я могъ забыть малѣйшую подробность. Такого подробнаго описанія прѣзда Крыжановскаго съ Романовскимъ еще не было въ печати и это пролетъ ноннѣ свѣтъ на полное непониманіе въ Петербургѣ, продолжающееся и теперь, нашей мисіи въ этихъ богатыхъ и прелестныхъ странахъ Средней Азии. Стремленіе Крыжановскаго устроить въ Ташкентѣ ни ханство, ни муниципалитетъ по примыру Гамбургга или Любека, такъ хорошо характеризуетъ петербургскія возрѣнія на Средне-Азиатское население, что вполне выяснитъ и послѣдующія дѣяствія Кауфмана. А какъ легко и дешево можно управиться съ туземцами, оставая ихъ жить и наживаться подъ нашимъ главенствомъ! Во внѣшнихъ сношеніяхъ еще хуже чѣмъ въ внутренней политикѣ: мы споримъ съ англичанами за каждый аршинъ на безплодной Памирѣ, а даяи имъ изъ-подъ носа занять гораздо болѣе важные пункты и въ числѣ ихъ Гератъ, служавшій ключемъ одинаково, какъ въ Индію, такъ и въ Среднюю Азію. Зачѣмъ намъ Закаспійскія пустыни безъ Герата, безъ котораго нашъ правый флангъ и сообщенія съ Россіей висятъ на воздухѣ. Противъ напечатанія вашей статьи я ничего не имѣю и, если пожелаете, послайте ее прямо въ любую редакцію, но, мнѣ кажется, удобнее было бы помѣстить въ «Новое Время». Друзья мои зму вашу руку. М. Черяевъ, Пензенскійская, д. 5.

Выраженное въ письмѣ Михаила Григорьевича Черяева желаніе помѣстить этотъ рассказъ въ «Новое Время» охотно исполню. Авторъ.

жду к «urus», но на них никто не обращает внимания и новая жизнь закипела полными ключом. Разчитывая на продолжительную стоянку, войска стали по-немногу устраниваться, слѣдили из сырцової глины для дѣдушки), какъ они называли Михаила Григорьевича, небольшую саяку, которая существуетъ понышѣ подъ названіемъ «Домикъ Черняева», на углу Махрамскаго проспекта и Черняевской улицы. Исторія этого домика никому не знакома, даже известный Д. П. Эварницкій, въ своемъ путеводителѣ по Средней Азии, про него молчаливо, незамѣтивъ его существованія. Между тѣмъ глиняныя стѣны его полны историческихъ воспоминаній, въ нихъ совершилась первая работа по водворенію русской законности въ край, имѣвшая благотворное вліяніе на нравственную сторону туземнаго населенія, занемогавшаго подъ гнетомъ насилия и произвола. Тутъ же рѣшенъ былъ весьма важный государственный вопросъ: былъ ли не быть Ташкенту русскимъ городомъ, а съ нимъ вмѣстѣ и русскому вліянію въ Средней Азии.

Чтобы оживить въ памяти минувшія историческія событія, обратимся нѣсколько назадъ. Въ 1865 году, когда Черняевъ послѣ смерти Алим-Кула, напавшаго въ бою 9-го мая, и разгрома его полчищъ занялъ г. Ташкентъ, бухарскій эмиръ Музафаръ-Эдишъ былъ сильно встревоженъ усиломъ русскаго оружія и, чтобы поддержать свой угасающій авторитетъ, предъявилъ права свои на Ташкентъ и потребовалъ, чтобы Черняевъ отступилъ къ г. Чимкенту, т. е. сталъ на прежнюю свою позицію. Черняевъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ негодованіемъ отвергнувъ это требованіе, отвѣчалъ, что пока у него останется хотя бы одинъ солдатъ, Ташкента ему не выдать, но что онъ не будетъ препятствовать ему идти на Кокандъ. Такъ эмиръ и сдѣлалъ. Между же шайки его разбрелись грабить Зачирчикскій край. Сообщеніе съ хлѣбороднымъ рынкомъ было прервано, подвозъ жизненныхъ продуктовъ прекратился. Небольшія конныя партіи смѣльчаковъ стали тревожить по ночамъ наши аванпосты. Солдатки остроумно прозвали ихъ ночными бабочками и для развлеченія охотились за ними.

— А что, братцы, — спрашивалъ молодой солдатикъ своихъ товарищей, — чѣмъ угостимъ сегодня ночныхъ бабочекъ?

— Ну, вѣстимо заломъ — отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, братцы, стойте, вотъ что сдѣлаемъ, — вставилъ смѣясь коренастый солдатъ, по фамилии Востраковъ, нѣвѣстный въ ротѣ весельчакъ и затѣльникъ: — какъ смернется, протянемъ веревку, лошади ихня заунутся на всемъ скаку, понададутъ, а мы ихъ изъ ружей и прикроемъ: нате моль, бабочки, кушайте на здоровье!

— А веревку гдѣ добудемъ? — спросилъ кто-то.

— Веревку я припасъ, у артельщика выпрошу бѣлье просушить, — отвѣчала, смѣясь во весь ротъ, Востраковъ.

Но не смотря на эти импровизированныя сюрпризы, ночныя бабочки не унимались и подъ вліяніемъ одуряющей «наши», которую туземцы любятъ курить, дерзость ихъ дошла до того, что они стали днемъ въ одиночку джигитовать передъ нашею дѣньбой. Такъ, однажды подъ вечеръ, когда жара порядочно уже спала, и воздухъ, пропитанный рѣчной влагою, пріятно вѣжиль уготленные нервы, появился передъ нами всадникъ. Кто онъ былъ? — неизвѣстно, но судя по богатству халата, и рѣдкой красотѣ сѣраго, кроваваго подъ нимъ карабра, можно было принять его за родовитаго «бека» или по крайней мѣрѣ зажиточнаго «бая». Подскакавъ на ниспослѣдней выстрѣль, онъ сталъ описывать круги и ругать насъ отборвою бранью, на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Махонинъ, крикнувъ взбѣшенный этою дерзостью отдѣленный утеръ-офицеръ, сѣдлака его съ коня, чтобы онъ тутъ же маячилъ, да не ругался проклятымъ!

Махонинъ, не вставая съ земли, приподнявъ ружье, осмотрѣлъ его и въ тотъ моментъ когда бекъ разинулъ ротъ, чтобы послать новую брань, всадила ему пулю въ самую глотку; раненый смертельно взмахнулъ отчаянно руками и, какъ свинецъ, свалился съ лошади.

— Bravo, Махонинъ! — крикнули товарищи, — локко заткавалъ ему пасть, не станеть больше лаяться!

Махонинъ, сознавая превосходство своей стрѣльбы, самодовольно улыбнулся, обтеръ любовно ружье, зарядилъ его и, положивъ подлѣ себя, сталъ лѣниво смотрѣть въ даль, поджидая появленія новой бабочки.

Прекращеніе подвоза изъ-за убійки пищевыхъ продуктовъ давало себѣ чувствовать, дѣны на все поднялись значительно. Черняевъ, чтобы положить конецъ этой неурядицѣ и прочувить хорошо знакомому начальнику шаякъ Рустамъ-бека, послалъ за Чирчикъ отрядъ, состоящій изъ 4 ротъ плѣхоты, 1 сотни казаковъ и 4 орудій, подъ начальствомъ полковника Пистолькорса, приказавъ ему прогнать Рустамъ-бека и открыть сообщеніе съ зарѣчными кишлаками. 13-го сентября назначеннаго войска перешли въ бродъ рѣку Чирчикъ. Погода стояла чудная, легкій ветерокъ освѣжалъ воздухъ, солдаты бодро шли впередъ подъ захватские мотивы живого русской пѣсни, которая выигрѣ такъ не пригодна, какъ въ походѣ, заставляла забыть всю тяжесть солдатской доли.

Въ кишлакѣ Той-тобе отрядъ остановился, оправился, подрѣзавъ силы взятыми съ собою сартовскими лешками, и снова двинулся въ путь-дороженьку, торопясь рѣшительнымъ ударомъ сломить самодурство неприятеля. Заслышавъ о движеніи русскихъ войскъ, Рустамъ-бекъ стремительно отступилъ къ Покенту (50 верстъ отъ Ташкента), разчитывая, что горная мѣстность этого кишлака поможетъ ему удержаться на позиціи; но увы, ожиданія были напрасны, нѣсколько удачныхъ картежныхъ выстрѣловъ убдили вскорѣ его, что съ войсками Вѣлаго Царя трудно бороться; онъ очистилъ Покентъ и затѣмъ послѣ небольшого сопротивленія отдалъ кр. Керсучи.

Въ то время, какъ русскія войска очищали Зачирчикскій край, нанося Рустамъ-беку ударъ за ударомъ, послѣ которыхъ онъ вынужденъ былъ бѣжать къ гор. Джизаку, чтобы соединиться съ остальнымъ войскомъ бухарскаго эмира, прикрывавшимъ г. Самаркандъ, въ Ташкентѣ происходили не менѣе важныя событія: туда прибылъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій.

— и вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ о необходимости оставить Ташкентъ въ нашихъ рукахъ, но поймите, что скажетъ Англія: это можетъ вызвать европейскую войну!

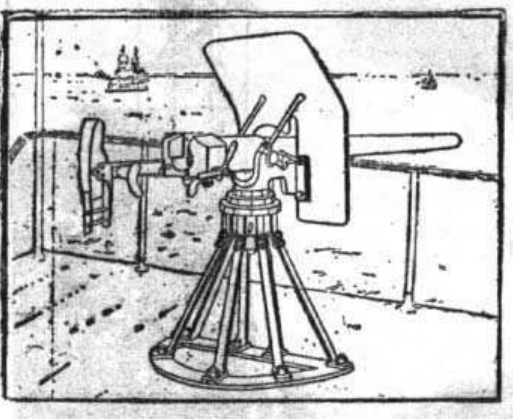
Что долженъ былъ пережить и переувѣстовать въ эти минуты Черняевъ, слушающій эти сомнительные доводы! Сердце его разрывалось на части, онъ скорбѣлъ не за себя, не за свою славу завоевателя Ташкента, открывшаго невѣдомый дотошъ міръ, а за то, что великое русское дѣло должно было погнубить въ самомъ началѣ, не дожидаясь расцвѣта. Что дѣлать? — спрашивалъ онъ себя и тутъ же благородное сердце его подсказало: удержаться Ташкентѣ, хотя бы для того пришлось пожертвовать собой. Принявъ такое рѣшеніе, онъ возвратился домой и спокойно занялся просмотромъ полученныхъ бумагъ. Вошелъ адъютантъ.

— Что скажете? — спросилъ ласково Черняевъ.

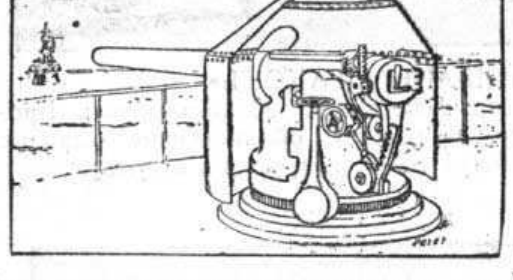
— Казаки прѣхалъ, ваше превосходительство, изъ отряда подполковника Пистолькорса.

— Зовите, — сказалъ онъ, откладывая въ сторону бумагу, которую держалъ въ рукахъ.

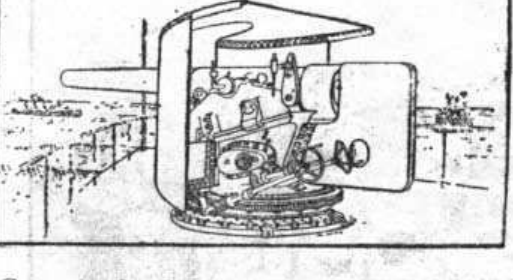
Вошелъ бравый урядникъ, съ двумя Георгіями

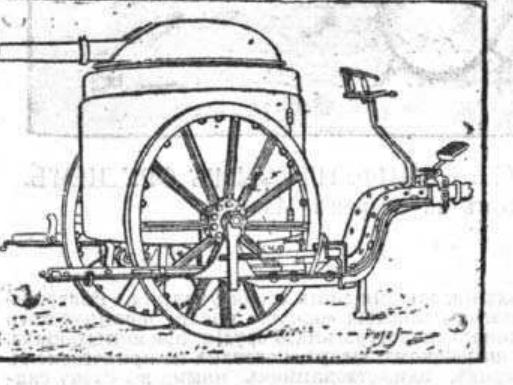
Скорострѣльная пушка Гочкиса, образца 1896 г.

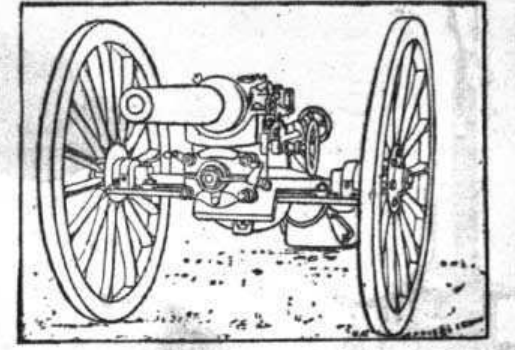
Скорострѣльная морская пушка Армстронга

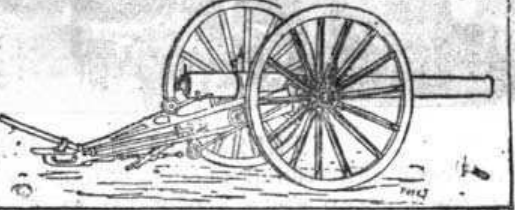
Скорострѣльная морская пушка Круппа на скользящемъ лафетѣ.

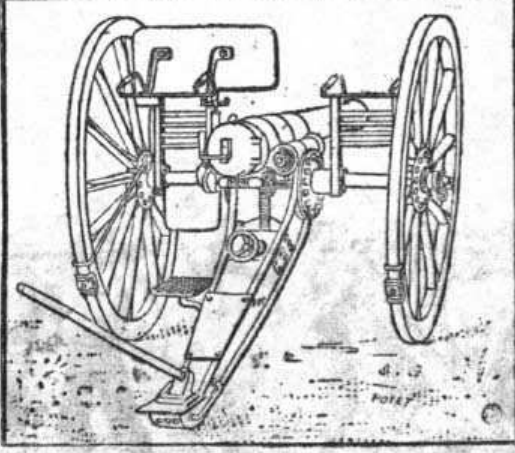
Скорострѣльная пушка Грюзона въ ея перевозной стальной башнѣ.

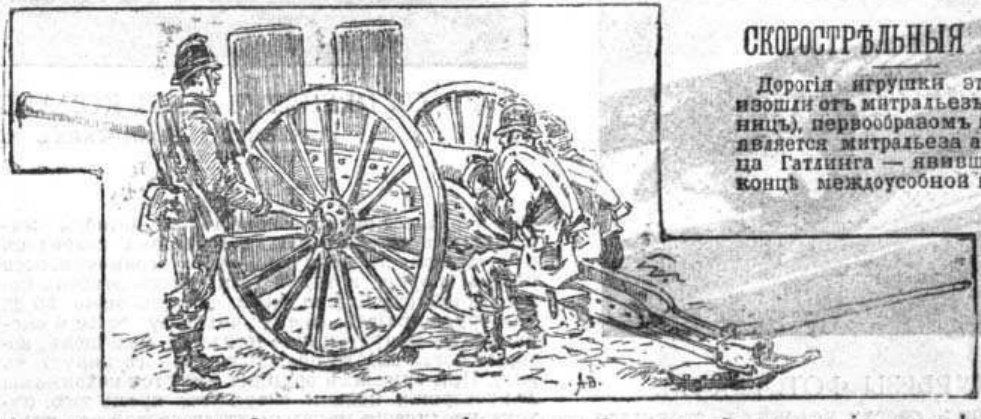
Скорострѣльная 75 мм. пушка Канон на полевомъ лафетѣ.

Скорострѣльная 75 мм. полевая пушка Шнейдера.

Скорострѣльная пушка Максима-Норденфельда на полевомъ лафетѣ.

75 мм. скорострѣльная пушка французской полевой артиллеріи послѣдняго образца и проектированная новая обмундировка французскаго солдата (по «Illustr. Zeitung»).

СКОРОСТРѢЛЬНЫЯ ПУШКИ.

Дорогія игрушки эти — произошли отъ митральезъ (картежныхъ пушекъ), первообразомъ которыхъ является митральеза американца Гатлинга — явившаяся въ концѣ междоусобной войны въ

предписаніе о приведеніи въ исполненіе означеннаго рѣшенія.

Былъ вечеръ. Черняевъ, держа въ рукахъ роковое предписаніе, ходилъ взволнованно по земляному полу своей небольшой саяки. Лицо его было мрачно, онъ сразу постарѣлъ и похудѣлъ. Походные часы, лежавшіе на рабочемъ столѣ, показывали шесть часовъ; взглянувъ на нихъ, онъ вздрогнулъ, провелъ рукою по лицу, точно припоминая что-то, и, быстро подбѣжавъ къ столу, написалъ генералу Крыжановскому, что предписаніе его объ оставленіи Ташкента и отступленіи къ Чимкенту онъ на себя не беретъ и проситъ объ увольненіи въ Петербургъ. Послѣдствія такого смѣлаго поступка всѣмъ извѣстны. Туркестанскій край присоединенъ былъ къ Россіи, а Черняевъ, по жалобѣ Крыжановскаго, отозванъ въ Петербургъ.

Съ отъѣздомъ Михаила Григорьевича, домикъ его былъ забытъ, неутомимое время не пощадило его историческія заслуги: глиняныя стѣны мѣстами осѣли, обвалились, потолоки нависли, окна вышались и онъ сталъ служить пристанищемъ солдатскихъ прачекъ.

Прошло 17 лѣтъ, повѣяло новымъ вѣтромъ, Черняевъ былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, услужливые люди вспомнили о его домикѣ и къ прѣезду Михаила Григорьевича убрали его по-праздничному: очистили, выбѣлили, вставили разбитыя стекла и прибили доску, съ надписью, что въ немъ въ 1865 г. жилъ покоритель Ташкента. Нынче снова домикъ захирѣлъ, снова настала для него темная полоса и только одна почеркѣвшая отъ времени надпись напоминаетъ прохожему о его историческомъ значеніи.

Увѣжая изъ Ташкента, я зашелъ въ сказанный домикъ, чтобы запечатлѣть его въ своей памяти, и засталъ тамъ старика-солдата, украшеннаго тремя Георгіевскими крестами. На вопросъ, что онъ здѣсь дѣлаеть, старикъ отвѣтилъ: — Зашелъ помолиться.

Я промолчалъ и подумалъ: хорошо бы здѣсь устроить часовню или богадѣльню для одного или двухъ ташкентскихъ ветерановъ, назвавъ ее именемъ перваго жильца. Александръ Ивановъ.

Отъ редакціи. Кстати еще два слова о М. Г. Черняевѣ. Въ воскресномъ фельетонѣ, посвященномъ памяти его, «Old Gentleman» говоритъ, что русскій герой вообще не эффектенъ, подобно Тушину изъ «Войны мира» и что къ числу такихъ Тушиныхъ принадлежалъ и Черняевъ. По этому поводу, г. А. Б., съ которымъ читатели наши знакомы по печатающимся у насъ время отъ времени его «Военнымъ замѣткамъ» пишетъ намъ слѣдующее: «Мнѣ кажется, что сравненіе съ Тушинымъ не совсѣмъ справедливо. У графа Толстого, на взглядъ котораго несомнѣнно сильно повліяла крымская кампанія, въ которой онъ самъ принималъ участіе, случайность играетъ почти исключительную роль въ бою, планъ главнокомандующаго обыкновенно не приводится въ исполненіе, а все дѣлается Тушинымъ. Разъ же идетъ рѣчь о знаменитомъ военачальникѣ, то при чемъ же тутъ Тушинъ? Тушинъ могутъ быть хорошими исполнителями, но въ самостоятельные вожди они не годятся. Они не могутъ вліять черезъ ближайшихъ помощниковъ на массу, иногда огромную, не могутъ разлить въ нихъ свою таинственную, духовную силу, двигающую людей на смерть, не могутъ оцѣнить обстановку во всемъ ея объемѣ, быстро создать извѣстный планъ и заставить войска привести его въ исполненіе. Все это качества вожда и М. Г. Черняевъ обладалъ или въ высшей степени».

* По словамъ М. Г. Черняева, онъ слышалъ данную ему ключку, хотя ему было не больше 38 лѣтъ. Почему его такъ прозвали, онъ не зналъ.
** Ружья были бракованы послѣ Севастопольской осады. Въ бою, конвоирующие были вооружены кремезными ружьями. Орудія были бракованныя послѣ 1812 года. М. Черняевъ.

Соединенныхъ Штатахъ. Пять лѣтъ спустя во французской арміи введена была пресловутая митральеза, неоправдавшаяся однако въ войну 1870 г. возлагавшаяся на нее ожиданія.
Въ 1878 г. во Франціи испытывалась 4-хъ-ствольная пушка Гочкиса — выходящая на опытахъ 60 пуль въ 40 мин. диаметра. Механизмъ заряданія, воспламененія и выбрасыванія выстрѣльных гильзъ, подачи патроновъ и уравниванія отвѣта были уже довольно совершенны въ этой револьверной пушкѣ — но она почему-то не принята была въ сухопутныхъ войскахъ. О ней вспоминали тогда, когда въ остроходные миноносцы, получившіе возможность въ одну минуту добираться на такое разстояніе отъ броненосца, съ котораго уже можно метать мины, стали угрожать дорогимъ и неповоротливымъ плавающимъ фортамъ. Явились скорострѣльныя пушки Норденфельда, Максима — малаго калибра, но въ которыхъ изобрѣтатели, остроумно воспользовавшись силой отдачи для приведенія въ движеніе частей механизма, служившихъ для заряданія, для взвода ударника для выбрасыванія гильзъ послѣ выстрѣла и т. д. довели число выстрѣловъ отъ 200 до 600 въ минуту; понадобилось приложить и искусственное охлажденіе стволовъ.
Но орудія эти были малаго калибра — и съ увеличеніемъ размаха миноносцевъ и толщинъ стальныхъ листовъ, изъ которыхъ они строились, понадобилась и скорострѣльная пушка большаго калибра. Это отозвалось на числѣ выстрѣловъ — новая пушка Гочкиса давала 25—30 выстрѣловъ. Шесть такихъ орудій, вѣсомъ вои вмѣстѣ въ 2 тон-

ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКЪ.

(Къ двадцатипятилѣтню его основанія).

Съ зампреніемъ въ 1873 г. ордъ туркмено-хивинской вольницы окончилась и военныя дѣйствія въ Туркестанскомъ краѣ. Кромѣ военной денежной контрибуціи, возложенной на Хивинское ханство, присоединились къ русскимъ владѣніямъ правый берегъ Аму-Дарьи и дельта этой рѣки отъ Аральскаго моря до крайняго, западнаго рукава ея.

Такимъ образомъ, Россія стала твердою ногою на берегахъ историческаго Оксу (Узбой) и эта великая рѣка, отъ Аральскаго моря до самыхъ отдаленныхъ, центральныхъ азиатскихъ ханствъ, расположенныхъ на верхнихъ притокахъ Аму-Дарьи, открылась для русской науки, промышленности и торговли.

Штыкъ и картечь окончили свою первую кровавую работу, настала пора мирныхъ завоеваній на Аму и въ самой глубинѣ центральной Азии, завоеваній медленныхъ, мало замѣтныхъ постороннему наблюдателю, но тѣмъ не менѣе неотразимыхъ.

Передъ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ хивинскаго оазиса въ обратный походъ, первый эшелонъ которыхъ выступилъ изъ Хивы 5-го сентября, командующимъ войсками К. П. Кауфманомъ было выбрано мѣсто для сооруженія перваго русскаго оплота среди безконечныхъ песковъ Кызыль-Кумъ (красный песокъ), о которомъ мечталъ великій преобразователь Руси — Петръ I.

Сначала предполагалось устроить укрѣпленіе близъ Ша-Абадъ-Вали, но по ближайшемъ осмотрѣ мѣста К. П. Кауфманъ призналъ его несоответствующимъ требованіямъ и рѣшилъ возвести укрѣпленіе въ девяти верстахъ отъ горъ Шура-Хана и въ шести отъ Ханской Переправы на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ богатомъ и прекрасно обработанномъ саду Мать-Ніаза.

Взаимнъ взятаго подъ это укрѣпленіе сада Мать-Ніаза, генералъ Кауфманъ разрѣшилъ выбрать одинъ или два сада изъ числа отошедшихъ къ намъ садовъ хивинскаго хана.

И вотъ, 26-го августа, при соответствующемъ торжествѣ, было положено начало перваго, возродившагося изъ песковъ, русскаго укрѣпленія, о сооруженіи котораго тщетно заботились въ теченіе двухъ вѣковъ.

Самое укрѣпленіе имѣетъ видъ почти правильнаго прямоугольника, съ двумя бастіонами, обстрѣливающими фасы укрѣпленія. Главный бастіонъ, обращенный въ сторону Аму-Дарьи и на шура-ханскую дорогу названъ «Александровскимъ» и на немъ поднятъ русскій флагъ. Другой бастіонъ — «Петровский», на противоположномъ углу укрѣпленія. На двухъ другихъ углахъ крѣпостной ограды построены барбеты. При такихъ средствахъ обороны укрѣпленіе представляетъ твердыню, необходимую для Средней Азии.

Въ силу историческихъ событій, предшествовавшихъ хивинскому походу, укрѣпленіе это было наименовано Петро-Александровскимъ, въ ознаменованіе первой неудачной попытки князя Бекви-ча-Черкасскаго проникнуть въ Хиву, при Петрѣ Великомъ, доблестно исполненной внуками въ царствованіе императора Александра II.

Мѣстности же изъ вновь присоединенныхъ къ русскимъ владѣніямъ земель, какъ администра-

Герцогъ МАКСИМИЛАНЪ БАДЕНСКІЙ.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, Высокочеченная Невѣста Герцога Максимилиана Баденскаго.

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ, австрійскій императоръ.

Австрійская императрица ЕЛИЗАВЕТА на прогулкѣ.

тивной единицы, присвоено наименованіе Аму-Дарьинскаго отдѣла, первымъ начальникомъ котораго, на правахъ военнаго губернатора, былъ назначенъ герой хивинскаго похода Н. А. Ивановъ.

Въ распорѣженіе генерала Иванова было остав-

лено изъ числа дѣйствовавшихъ противъ Хивы войскъ 2 батальона пѣхоты, 4 сотни казаковъ и 8 орудій.

На первое устройство этого гарнизона, шце-вое его довольствіе, а также обмундированіе и на приобрѣтеніе зимней одежды К. П. Кауфманъ

передать Н. А. Иванову весь остаток денежных сумм от этой экспедиции — 60,000 р.

Къ ноябрю мѣсяцу закончились необходимая постройки, явился запас продовольствія и тихо, однообразно потекла жизнь первых русских пионеровъ въ этомъ изолированномъ сыпучими песками оазисѣ отъ населенныхъ сородичами, хотя и незначительныхъ пунктовъ *).

Не малую роль въ исторіи поступательнаго движенія въ Среднюю Азію сыграла эта горсть русскихъ удалцовъ.

Съ какимъ восторгомъ отпраздновали они въ первую же осень общій для всѣхъ военныхъ праздниковъ — день св. Георгія! На это первое торжество былъ приглашенъ хивинскій ханъ Сеидъ-Магомедъ-Богодуръ-ханъ, прибывшій въ укрѣпленіе съ незначительной свитой.

Топографическая особенность хивинскаго оазиса слѣдующая: оазисъ этотъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ сѣверо-западной стороны, песчаными стенами. Съ сѣверо-западной къ нему примыкаетъ Аральское море, за которымъ непосредственно начинается плоская возвышенность Усть-Юртъ. Съ сѣверной стороны пески Кизиль-кумскіе подходятъ почти вплоть до праваго берега Аму-Дарьи.

Западная часть соприкасается съ степью, частью песчаной, частью солончаковою, а частью представляющею совершенно ровную и твердую поверхность, называемую мѣстными жителями «такыръ».

Пески, окружающіе оазисъ, врываюся и внутрь его, преимущественно въ пространства между оросительными каналами.

Свойство песковъ быстро распространяться по поверхности земли нѣсколько ослабляется довольно обильнымъ орошеніемъ южныхъ частей ханства и тѣми мѣрами, которыя употребляютъ туземцы къ огражденію своихъ полей отъ засыпания ихъ песками. Насаженіе деревьевъ, насыпи по каналамъ — все это ограничиваетъ до нѣкоторой степени распространеніе песчаныхъ площадей. Но главное препятствіе пескамъ представляетъ орошеніе, которое даетъ полямъ обильный иль.

Хивинскій оазисъ представляетъ ровную поверхность, понижающуюся на сѣверо-западъ, по направленію теченія Аму-Дарьи и на сѣверъ въ мѣстностяхъ дельты этой рѣки, съ горной незначительной цѣпью Шейхъ-джели, тянущейся отъ озера Ходжа-куль почти прямо на востокъ. Дельта рѣки, благодаря обилію воды и слабому грунту почвы, на которой она распространяется, пересѣкается оазисъ нѣсколькими рукавами, мѣстами разливающимися на широкое пространство и образующими густыя заросли камыша. Особенно замѣчательны разливы въ юго-западной и сѣверо-восточной части дельты. Здѣсь находится цѣлый лабиринтъ озеръ и протоковъ, въ которыхъ легко заблудиться безъ помощи мѣстныхъ рыболововъ.

Въ окрестностяхъ Чимбая и Клычъ-калы находятся значительныя селенія полуосѣдлыхъ каракалпаковъ.

Народность эта трудолюбива, какъ муравьи, вѣчно борется съ разливами Аму-Дарьи и честности необычайной: въ своихъ жилищахъ она не знаетъ замковъ. Зато судьи завалены брако-разводными дѣлами: жены ихъ на своемъ вѣку нерѣдко мѣняютъ отъ 20 до 30 мужей.

Само собою разумѣется, что скученность населенія находится въ прямой зависимости отъ количества оросительныхъ каналовъ. Количество же воды во всѣхъ каналахъ естественно зависитъ отъ большаго или меньшаго изобилія

* Ближайшіе пункты: Казалинскъ удаленъ на 664 в., Перовскъ на 670 и Самаркандъ на 722. Отъ Ташкента чрезъ Джизакъ 895 верстъ.

ея въ главномъ бассейнѣ и въ тѣ годы, когда разливы Аму-Дарьи выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, всѣ каналы сохраняютъ воду въ продолженіе цѣлаго лѣта; напротивъ, въ года малой прибыли главныхъ водъ, масса ихъ въ странѣ получается тоже въ меньшемъ количествѣ и тогда вода содержится круглый годъ только въ главныхъ каналахъ, въ прочіе же она пускается по временамъ, въ минуты крайней нужды.

Необходимость постоянной очистки каналовъ служить причиною, что берега ихъ возвышаются въ родѣ насыпей, превосходящихъ иногда значительно ростъ человѣка; во избѣжаніе осыпки и для предохраненія воды отъ испаренія, канавы обсаживаются снизу у самой воды, а иногда и по верхнимъ насыпи вязымъ, тополемъ и тутовникомъ.

Около канавъ мѣстные жители и хивинцы располагаютъ все свое хозяйство: домъ, садъ и поле. Садъ для хивинца — полжизни. Въ немъ онъ выращиваетъ фруктовыя деревья: гранаты, виную ягоду, айву, шенталу, виноградъ, дули, черносливъ, но самое главное, будучи любителемъ цвѣтовъ, онъ тщательно ухаживаетъ за своимъ цвѣтникомъ съ незначительными сортами цвѣтущихъ растений. Вы не встрѣтите хивинца, отъ хана до бѣдняка, безъ заткнутаго за ухо цвѣточка. Не родись у него ничего, только были бы цвѣты.

Какихъ трудовъ стоитъ воздѣлать для посѣва неплодородную почву этого оазиса. Даже для посѣва травы необходимо удобрение, сѣно дорого, луговъ нѣтъ и скотина со дня рожденія обречена быть на привязи. Характерная особенность въ этомъ отношеніи самого хана, это — исключительно принадлежащее ему право собирать навозъ на улицахъ и площадяхъ города Хивы, который и свозится на арбахъ на ханскія земли. Этимъ дѣломъ до освобожденія рабовъ занимались въ Хивѣ наши плѣнные уральцы-казаки.

Изъ злаковъ высѣваются: пшеница, джугара, монша — родъ чечевицы, очень дешевый продуктъ, который идетъ въ пищу какъ хозяевамъ, такъ и работникамъ. Культивируется хлопковъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ сортовъ мѣстнаго хлопка, а также и шелковичный червь.

Не мало пережилъ Аму-Даринскій отдѣлъ, а слѣдовательно и Петро-Александровскъ невзгодъ и тревоженій въ свой относительно незначительный двадцатипятилѣтній періодъ.

Сыгравъ свою историческую роль первыхъ непосредственныхъ сношеній съ хивинскимъ ханствомъ, руководимый съ большимъ тактомъ и умѣньемъ генераломъ Н. А. Ивановымъ, заботившимся о развитіи народнаго благосостоянія, отдѣлъ этотъ съ введеніемъ положенія объ управленіи Туркестанскаго края 12-го іюня 1886 г. вошелъ въ составъ Сыръ-Даринской области. Потерявъ всякое стратегическое значеніе, онъ является свидѣтелемъ мирнаго завоеванія Хивинскаго ханства путемъ общенія его съ русскими промышленниками, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе проивкающими во всѣ уголки этого нѣкогда страшнаго для народовъ Средней Азіи ханства.

А. Коробовъ.

ЖАРЪ-ПТИЦА*).

Въ ту пору въ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ катедру теоретической и практической физики занималъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ **), производившій, между прочимъ, и опыты

* См. «Нов. Вр.» № 8083.

** Рихманъ родился 11-го іюля 1711 года въ Пернау, учился въ Ревелѣ, Галле и Іенѣ; Остерманъ пригласилъ его наставникомъ къ своимъ сыновьямъ — въ Петербургъ. Рихманъ подавъ главному командиру Академіи Наукъ барону Корфу 22-го іюля 1735 г. сочиненіе по физикѣ и 18-го

по электричеству, главную роль въ которыхъ играли вращающіеся стеклянные шары. Императрица Елисавета Петровна и высшее общество очень интересовались этими любопытными опытами, которые Рихманъ и показывалъ при Дворѣ (1745—1748 гг.). Для этого по Высочайшему повелѣнію отведена была дворцовымъ ведомствомъ особая комната (именно въ домъ баронства Строгоновыхъ), гдѣ хранились электрическіе приборы и производились опыты.

Разумѣется, Рихманъ слѣдилъ за успѣхами науки въ области электричества на Западѣ и извѣстія объ опытахъ въ Филадельфіи, Марли и Парижѣ съ желѣзными шестами побудили его заняться вновь возникшимъ таинственнымъ вопросомъ о той силѣ, которая вызываетъ грозу въ небесахъ и искры съ трескомъ въ электрическихъ машинахъ на землѣ. Шесты, конечно, были призваны рѣшать этотъ вопросъ и въ Петербургѣ. Сквозь крышу (для чего понадобилось вынуть черепицы), пропущенъ былъ вертикальный желѣзный пруть, въ палецъ толщиной, длиною 5—6 фут., изъ коихъ 4—5 фут. приходилось на внѣшнюю, заостренную часть прута, возвышавшуюся надъ крышей — на воздухъ; другой же конецъ прута, тупой — въ комнатѣ — былъ продѣтъ въ бутылку съ выбитымъ отверстіемъ въ днѣ и укрѣпленъ въ ней пробкою въ горлышкѣ; бутылка эта дномъ упиралась на кирпичи. Выходившій изъ дна пруть былъ соединенъ съ желѣзною проволокою, проведенною во внутреннія комнаты со всѣми предосторожностями по части изоляціи отъ электропроводныхъ тѣлъ. Тамъ къ концу проволоки прикрѣплена была желѣзная линейка, висѣвшая вертикально; къ верхнему концу линейки приваивалась шелковая нить, висѣвшая въ свободномъ состояніи параллельно линейкѣ, въ одной плоскости съ широкою стороною ея. Конечно, разъ электрическій токъ пройдетъ въ проволоку, а, слѣдовательно, и въ линейку, то шелковая нить отклонится; но въ данномъ случаѣ линейка могла назлектризоваться черезъ влияніе отъ разряда электричества въ атмосферѣ, — поэтому отклоненіе нити отъ линейки и служило бы хорошимъ указателемъ присутствія этой невѣдомой силы въ воздухѣ, т. е. доказало бы тождество грозовыхъ явленій въ видѣ молній и грома съ искусственно произведенными на машинѣхъ. Съ начала іюля (1752 г.) слѣдилъ Рихманъ ежедневно за этою нитью. 18-го числа этого мѣсяца раздался въ полдень ударъ грома, и тотчасъ же шелковая нить отскочила отъ линейки и показались искры, сопровождаемая трескомъ. Во все время грозы — болѣе полутора часа — продолжались эти явленія, подобныя таковымъ же, вызываемымъ машиною. «По сему не надобно къ тому опыту ни электрической машины, ни электризованнаго тѣла, но громъ совершенно служитъ вмѣсто электрической машины... И такъ, совершенно доказано, что электрическая матерія одинакова съ громовою матеріею...», такъ писали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 58), знакомившихъ своихъ читателей съ вышеизложеннымъ опытомъ Рихмана и послѣдующими. Съ наступленіемъ осени опыты эти были прерваны и возобновились весною слѣдующаго, 1753 года. Послѣ вынужденнаго бездѣйствія по интересующему его предмету зимою, когда грозавая дѣятельность сводится, какъ извѣстно, къ нулю, Рихманъ съ юношескимъ увлеченіемъ отдался этимъ опытамъ съ мая мѣсяца. Онъ не пропускалъ ни одной грозы и всегда разнообразилъ

октября того же года поступилъ въ академію студентомъ по физическому классу, 15-го апрѣля 1740 г. получилъ званіе адъюнкта, а 20-го февраля 1741 г. — профессора. Убитъ ударомъ шаровой молніи 26-го іюля 1753 года. (См. П. Пекарскаго «Исторію Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ»).

КРѢПОСТНЫЯ ВОРОТА
въ Петро-Александровкѣ. (См. стр. 5).

МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ РѢКУ РОНУ И НАБЕРЕЖНАЯ ЖЕНЕВЫ,
гдѣ убита анархистомъ австрійская императрица. (См. стр. 5).

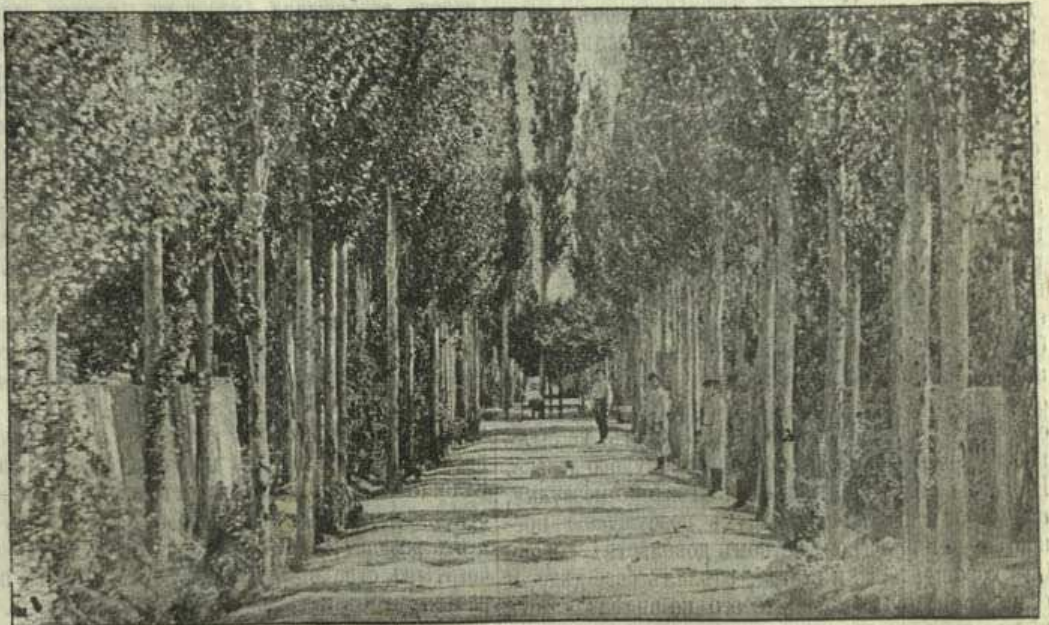
РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЖЕНЕВѢ.
(См. стр. 12).

ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВСКѢ. (См. стр. 5)

сти клпчка!) былъ теперь уже далеко и отъ этого, съ позволенія сказать, «ученаго», и отъ всѣхъ академическихъ дрызгъ... Жарь-птица увесла его въ иной мѣръ.

«Между тѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ»...—писалъ Ломоносовъ графу Шувалову въ томъ же письмѣ. И если когда-нибудь поставили бы Рихману памятникъ, котораго онъ, безъ всякаго сомнѣнія, вполне заслуживаетъ, трудно было бы подыскать болѣе лучшую эпитафію. Золотыя слова Ломоносова оправдались: память о Рихманѣ переживетъ вѣка. Всякій, вступающій въ область науки объ электричествѣ, на первыхъ же шагахъ увидитъ эту скромную могилу, цвѣты на которой не завяли и до сего дня и никогда не завянутъ, потому они что возложены признательною наукою; увидѣвъ такую могилу, онъ поклонится ей, потому что она—одинъ изъ краеугольныхъ камней зданія науки, а

АЛЛЕЯ ВЪ КРѢПОСТИ ПЕТРО-АЛЕКСАНДРОВКА. (См. стр. 5).